

18+

Валентина Селезнёва

Второе дыхание

Роман

Валентина Селезнёва
Второе дыхание. Роман

«Издательские решения»

Селезнёва В.

Второе дыхание. Роман / В. Селезнёва — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-697027-4

Двадцать лет Анна была идеальным фундаментом: удобной женой, правильной матерью, безупречным бухгалтером. Но когда её сократили на работе, семья не стала её опорой. Муж включил калькулятор, а сын отвернулся. Оставшись в 42 года без денег, профессии и иллюзий, Анна понимает страшную вещь: она строила золотую клетку для других, забыв о себе. «Второе дыхание» — это жёсткая, честная история о том, как больно падать на самое дно и как упоительно свободно строить свою жизнь с нуля. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-697027-4

© Селезнёва В.
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ I. ТРЕЩИНА	6
Глава 1. Обычный понедельник	6
Глава 2. Лишний элемент	18
Глава 3. Иллюзия присутствия	31
Глава 4. Обрушение фасада	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Второе дыхание

Роман

Валентина Селезнёва

© Валентина Селезнёва, 2026

ISBN 978-5-0069-7027-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ I. ТРЕЩИНА

Глава 1. Обычный понедельник

Будильник на телефоне не зазвонил – он завибрировал, сухо и требовательно, ровно в 6:30. Этот звук за последние годы стал для Анны не сигналом к началу нового дня, а спусковым крючком, концом короткой ночной амнистии.

Она не открыла глаза сразу. Несколько секунд лежала неподвижно, вцепившись пальцами в край пододеяльника, словно пытаясь удержать ускользающие обрывки сна – там было что-то теплое, светлое, кажется, морской песок, который она не чувствовала под ногами уже лет пять, но реальность безжалостно втягивала её обратно: запах несвежего постельного белья (нужно поменять в выходные), тяжесть сперттого воздуха в спальне (опять забыли открыть форточку) и ритмичный, присвистывающий храп Игоря справа.

Анна открыла глаза, увидев тот же самый белый потолок с едва заметной трещиной в углу, которую они собирались зашпаклевать еще в прошлом году. Трещина так и осталась. Желание что-то менять исчезло.

Она повернула голову. Спина мужа – широкая, обтянутая застиранной футболкой – возвышалась рядом, как крепостная стена, за которой не было слышно её мыслей. Двадцать лет брака превратили их постель в территорию перемирия, где двое людей просто спят, отвернувшись друг от друга, чтобы не мешать. Она знала наизусть каждое его движение во сне, каждый звук. Эта предсказуемость, которая когда-то казалась ей синонимом безопасности, теперь ощущалась как бетонная плита на груди.

Анна села, спустив ноги на пол. Ламинат охлаждал ступни. Тело включилось в режим автопилота. Ей не нужно было думать, чтобы найти тапочки, нащупать халат, завязать пояс. Руки делали это сами, пока мозг спал или притворялся мертвым, чтобы не кричать.

Она вышла в коридор. Тишина квартиры была гулкой, давящей. В комнате сына, за закрытой дверью, мигал синий огонек роутера – единственное напоминание о том, что в этом доме есть жизнь, пусть и цифровая. Максим спал. Ему вставать через полчаса её личного, стерильного времени.

Ванная комната встретила её вспышкой яркого света и гудением вытяжки. Анна закрыла дверь на защелку. Это был её маленький ежедневный ритуал – запереться, даже если никто не ломится. Два квадратных метра одиночества.

Она подошла к зеркалу и включила воду, чтобы заглушить мысли. Из стекла на неё смотрела женщина, которую она знала, но с которой давно перестала дружить. Сорок два года. Кожа под глазами стала тоньше, появились тени, которые не брал ни один консилер, глубокая складка между бровей – «бухгалтерская морщина», как она её называла, след от тысяч сведенных балансов, от вечного напряжения, от страха допустить ошибку в цифрах.

– Доброе утро, Анна Сергеевна, – прошептала она одними губами, и в зеркале отразилась гримаса, похожая на усмешку.

Она выдавила зубную пасту. Вкус мяты был резким, химическим. Щетка двигалась вверх-вниз, влево-вправо две минуты. Потом умывание ледяной водой – попытка смыть с лица усталость, которая, казалось, въелась в поры глубже, чем пыль. Затем дорогой, антивозрастной крем. Она втирала его в кожу массажными движениями, как учили в видеоуроках, но чувствовала себя реставратором, который пытается подновить фасад здания, внутри которого давно рухнули перекрытия.

Зачем всё это? Чтобы в офисе сказали: «Вы хорошо выглядите»? Чтобы Игорь скользнул равнодушным взглядом?

Она взяла расческу. Волосы, когда-то густые и блестящие, теперь казались тусклыми, уставшими, как и она сама. Она собрала их в привычный низкий пучок строго и аккуратно, никаких лишних прядей, волосок к волоску. Идеальная прическа для идеального винтика в системе.

Анна выключила воду. Тишина вернулась, звенящая в ушах. Она опёрлась руками о раковину и посмотрела себе прямо в зрачки. Там, на дне темно-карих глаз, плескался немой вопрос: *«Неужели это всё? Неужели так будет следующие двадцать лет?»*

Ответа не было. Был только шум воды в трубах и необходимость идти на кухню, чтобы поставить чайник. Механизм дня был запущен, и остановить его она не могла.

Щелчок выключателя погасил свет в ванной, и Анна шагнула в полумрак коридора. Линолеум под ногами скрипнул – тихо, жалобно, словно тоже устал от того, что по нему ходят туда-сюда одни и те же люди. Впереди, из дверного проема кухни, падал сероватый, разбавленный уличной хмарью свет. Оттуда же доносился бубнеж утренних новостей – неразборчивый поток слов о курсах валют, пробках и чужих катастрофах.

Этот звук был саундтреком их утра последние десять лет. Он заполнял паузы, чтобы не приходилось говорить.

Анна вошла на кухню. Воздух здесь был тяжелым, настоявшимся за ночь. Пахло остывшим черным чаем в чашке, которую Игорь, как всегда, забыл вымыть с вечера, и чем-то сладковато-несвежим – , кажется, яблоки в вазе начали портиться. Она механически отметила: *«Выбросить. Не забыть купить новые.»*. Список дел в голове пополнился еще одной строчкой, отодвигая живую жизнь еще на шаг назад.

Игорь проснулся и сидел за столом, спиной к окну. Его силуэт был темным пятном на фоне серого неба. Он был уже одет – рубашка, которую она гладила в воскресенье, слегка натянулась на животе. Перед ним стоял планшет. Палец ритмично скользил по экрану: свайп вверх, свайп вверх. Лицо мужа подсвечивалось голубоватым, мертвенным светом экрана, делая его похожим на восковую фигуру.

– Доброе утро, – сказала Анна. Голос прозвучал глухо, будто она говорила через вату.

Игорь не поднял головы. Его палец замер на секунду, потом снова дернулся.

– М-гм, – промычал он. Это был не ответ, это был звуковой сигнал, подтверждающий прием информации.

Анна подошла к плите. Щелкнула ручка газа, вспыхнул синий цветок пламени. Она поставила чайник и достала кастрюлю для овсянки. Все движения были отточены до автоматизма: достать молоко, налить воды, всыпать хлопья, помешать. Ложка скрежетала по дну кастрюли, и этот звук царапал Анну изнутри.

Она чувствовала спиной его присутствие. Двадцать лет назад, в начале их жизни, она любила эти минуты: подойти сзади, обнять его за плечи, уткнуться носом в шею, пахнущую сном и теплом. Сейчас между ней и спиной мужа пролегла невидимая граница: стеклянная стена, которую она сама, кирпичик за кирпичиком, помогала возводить своим молчанием и терпением.

Каша закипела, плюясь горячими пузырями. Анна выключила газ и разложила серую, вязкую массу по тарелкам. Поставила одну перед Игорем. Он автоматически подвинулся, освобождая место, но глаз от экрана так и не отвел.

– Ты за интернет заплатила? – спросил он вдруг. Голос был будничным, лишенным интонаций.

– Вчера вечером, – ответила Анна, садясь напротив. – Квитанция на почте.

Игорь кивнул, отправляя в рот ложку каши.

– Угу. А то скорость вчера падала. Танки висли.

Анна смотрела на него: на то, как двигаются его челюсти, на знакомую родинку у уха, на редущие волосы, сквозь которые просвечивала розовая кожа головы. Она пыталась найти

в себе хоть искру раздражения, злости – чего угодно живого, но внутри было тихо и пусто, как в заброшенном доме.

Он был для нее сейчас не мужем, не любимым мужчиной, а соседом по купе в бесконечном поезде, который едет в никуда. У них общий быт, общий бюджет, общий сын, но разные вселенные.

– У Максима сегодня контрольная по алгебре, – сказала она, пробуя пробить брешь в этой стене.

– Сдаст, – коротко бросил Игорь, не отрываясь от статьи про новые налоги на автомобили. – Он же вроде готовился. Ты проверяла?

«Ты проверяла», не «мы», не «как он там?», а функция контроля.

– Он взрослый, Игорь. Ему шестнадцать.

– Ну-ну, – хмыкнул муж.

Он доел, отодвинул пустую тарелку и, наконец, посмотрел на нее. Взгляд был расфокусированным, скользким. Он смотрел сквозь нее – на часы, висящие на стене за ее спиной.

– Мне пора. Сегодня совещание у шефа, буду поздно. Ужин не грей.

Он встал, тяжело опираясь рукой о столешницу. Стул скрипнул. Игорь прошел мимо, даже не коснувшись её плеча. Анна осталась сидеть перед своей нетронутой тарелкой остывающей каши. В коридоре хлопнула дверь, шелкнул замок в два оборота.

Тишина сомкнулась над ней, плотная и вязкая. Только ведущий новостей продолжал бодро рапортовать о том, что где-то в мире бушуют ураганы. Здесь, на кухне типовой двушки, штиль был страшнее любого шторма.

Звук захлопнувшейся за мужем двери еще висел в воздухе, когда Анна услышала шаги в коридоре. Не бодрый топот маленьких ножек, который она помнила из прошлого, а тяжелую, волочащуюся поступь взрослого чужого человека, шарканье тапочек по ламинату.

В дверном проеме возник Максим.

Он был похож на глубоководного ныряльщика, полностью экипированного для погружения в свой собственный, недоступный ей мир: огромный черный худи, капюшон натянут на самый лоб, скрывая глаза; в ушах – массивные накладные наушники, из-под которых пробивался ритмичный, агрессивный бит. Он не вошел – он вплыл в кухню, не поднимая головы, глядя только в экран смартфона, который держал перед собой, как навигатор в лабиринте.

– Максим? – позвала Анна. Голос дрогнул, пытаясь найти нужную интонацию – не строго, не заискивающую, а просто... мамину.

Он не отреагировал. Бит в наушниках надежно отсекал все лишние шумы, к которым, очевидно, относился и голос матери. Анна почувствовала укол раздражения, смешанного с беспомощностью. Она шагнула к нему и легонько коснулась рукава толстовки. Ткань была синтетической, скользкой.

Максим вздрогнул, словно его ударило током. Он резко стянул один наушник, поморщившись, как от зубной боли.

– Чего? – Голос ломающийся, хриплый со сна, полный претензии.

– Доброе утро, – сказала Анна, стараясь улыбнуться, но чувствуя, как уголки губ предательски дрожат. – Садись завтракать. Я кашу сварила.

Максим скользнул взглядом по тарелке с овсянкой, уже подернувшейся пленкой, которую оставил отец, и перевел взгляд на кастрюлю.

– Не буду я кашу. Я опаздываю.

Он подошел к холодильнику, распахнул дверцу и замер перед ней, обдавая себя холодным воздухом. Достал пакет молока, сделал глоток прямо из горла. Анна хотела сделать замечание – «возьми стакан», «не пей холодное», «горло заболит» – но слова застряли в горле. Любая её фраза сейчас будет воспринята как агрессия, как вторжение.

– Ты готов к контрольной? – спросила она вместо этого, цепляясь за единственную безопасную тему. – Отец спрашивал.

Максим поставил пакет на стол, слишком громко стукнув картоном.

– Нормально всё. Сдам.

Он схватил со стола яблоко – то самое, которое Анна собиралась выбросить, – и, не помыв, вгрызся в него. Хруст прозвучал в тишине как выстрел.

– Мам, мне деньги нужны на обеды и на интернет скинуться пацанам. Пятьсот.

Не просьба. Требование. Сухое информирование о необходимости транзакции. Анна потянулась к сумке, висевшей на спинке стула. Она достала купюру из старого, потертого на сгибах, кошелька.

Максим взял деньги, не касаясь её пальцев. Бумажка исчезла в бездонном кармане худи.

– Спасибо, – буркнул он, уже надевая наушник обратно. Связь прервалась. Шлюз закрылся.

Анна смотрела на своего сына. Ему шестнадцать. У него пробиваются усы, плечи стали шире, чем у неё, но она совершенно не знала этого человека. Что он думает перед сном? О чем мечтает? Кого любит? Последний раз они откровенно говорили... когда? Год назад? Два?

Ей захотелось сорвать с него этот капюшон, выдернуть шнур наушников, встряхнуть за плечи и закричать: «Я здесь! Я живая! Посмотри на меня!». Вместо этого она стояла, прижав руки к животу, и смотрела, как он жует яблоко, уткнувшись в телефон.

– Удачи в школе, – сказала она в спину черному капюшону.

Максим не обернулся. Он уже был там, в сети, в чатах, в играх – где угодно, только не на этой тесной кухне с уставшей женщиной в халате.

Он вышел. В прихожей загремели кроссовки, лязгнула ложка для обуви. Хлопнула дверь.

Анна осталась одна. На столе стояли две тарелки с остывшей кашей – одна тронутая, другая нет, пакет молока с открытой крышкой, огрызок яблока: натюрморт семейного счастья. Тишина вернулась, но теперь она звенела от невыплаканных слез. Часы показывали 7:15. Время выходить. Спектакль «Утро» окончен. Антракт.

Дверь за ней захлопнулась в два оборота ключа. Щелк-щелк. Этот звук ставил точку в утреннем акте пьесы «Семья». Анна постояла секунду на лестничной площадке, слушая, как гудит лифт где-то на верхних этажах. Здесь, в подъезде, пахло сыростью и чьим-то жареным луком. Запах чужой жизни, который всегда казался ей более настоящим, чем свой собственный.

Она вызвала лифт. Зеркало в кабине было исцарапано ключами – кто-то вырезал на стекле «ЛЕНА + ДИМА = ЛЮБОВЬ». Анна смотрела на эту надпись, пока кабина ползла вниз, и думала: где сейчас эти Лена и Дима? Любят ли они друг друга? Или тоже завтракают молча, уткнувшись в телефоны?

Улица встретила её мелкой, морозящей взвесью: не дождь, не туман – просто серая влага, которая мгновенно оседала на лице, заставляя кожу липнуть. Анна подняла воротник пальто, втянула голову в плечи и влилась в поток таких же темных фигур, спешащих к метро.

Эскалатор – бесконечная лента, уносящая людей под землю. Анна ступила на ступеньку и замерла. Спуск в преисподнюю. Ей всегда казалось, что метро высасывает из людей остатки утренних сил еще до того, как они доберутся до работы.

Внизу гудело. Час пик. Платформа была забита плотной, дышащей массой. Поезд вылетел из тоннеля с воем, обдав толпу ветром, пахнущим креозотом и пылью. Двери открылись, и людской поток внес Анну внутрь вагона. Ей не нужно было делать шаг – её просто втолкнули.

«Осторожно, двери закрываются».

Она оказалась прижатой спиной к поручню, а лицом – к спине высокого мужчины в кожаной куртке. От куртки пахло дешевым табаком и мокрой кожей. Анна повернула голову, пыта-

ясь найти хоть сантиметр свободного пространства, но уперлась взглядом в пышную причёску женщины слева.

Вагон дернулся и набрал ход. Раскачивание убаюкивало, вводило в транс. Анна смотрела в темное стекло двери напротив, где в черноте тоннеля отражались искаженные, призрачные лица пассажиров.

«Сколько раз я это делала?» – мысль всплыла внезапно, пробившись сквозь шум колес.

Она начала считать: двадцать лет пять дней в неделю два раза в день сорок восемь недель в году, если вычесть отпуск. Девять тысяч шестьсот поездок по часу в одну сторону, почти десять тысяч часов под землей.

Больше года чистой жизни она провела здесь, в этом грохочущем железном ящике, зажатая между чужими телами, вдыхая спертый воздух. Год жизни, вычеркнутый из биографии. Год, потраченный на то, чтобы переместить свое тело из точки А, где она спала, в точку Б, где она зарабатывала на еду, чтобы вернуться в точку А и снова лечь спать.

«Зачем?»

Она посмотрела на девушку, сидевшую напротив. Та читала книгу в яркой обложке, улыбаясь чему-то своему. Анна почувствовала укол зависти. Когда она сама последний раз улыбалась в метро?

Поезд замедлил ход. «Станция „Театральная“». Двери разъехались. Толпа выдохнула часть людей и вдохнула новых. Мужчина в кожаной куртке вышел, и на его место встала грузная женщина с хозяйственными сумками. Она больно задела Анну локтем.

– Осторожнее можно? – буркнула женщина.

– Извините, – машинально ответила Анна.

Она всегда извинялась: за то, что стоит, за то, что дышит, за то, что занимает место. Это было её базовой настройкой – быть удобной, незаметной, сглаживать углы.

Она закрыла глаза. Ритмичный перестук колес превратился в мантру: *«Надо потерпеть. Еще четыре дня. Скоро пятница. Скоро пятница»*.

Вся её жизнь сжалась до ожидания конца недели. Она жила в режиме отложенного счастья. «Вот пойду в отпуск...», «Вот Максим закончит школу...», «Вот выплатим ипотеку...». А жизнь шла не «потом». Она шла прямо сейчас, пока она стояла здесь, в душном вагоне, и чувствовала, как немеют ноги в неудобных осенних сапогах.

«А если поезд не остановится?» – вдруг подумала она. – *«Если мы будем ехать вечно? Никто ведь не заметит разницы. Мы и так уже мертвы, просто ходим на работу»*.

– Станция «Площадь Революции». Переход на Арбатско-Покровскую линию.

Её остановка. Толпа качнулась, и Анну вынесло на платформу. Она поправила сбившуюся сумку, одернула пальто. Вдохнула воздух станции – такой же спертый, но чуть более прохладный. Нужно было идти. Эскалатор вверх. Турникеты. Улица. Офис.

Она шла, глядя под ноги, на серый гранит пола, отполированный миллионами подошв до зеркального блеска. Она была одной из этих миллионов: песчинка, функция, бухгалтер, идущий сводить дебет с кредитом, хотя в её собственном жизненном балансе давно зияла огромная дыра.

Тяжелая стеклянная дверь бизнес-центра отсекала уличный шум, заменив его на приглушенный гул кондиционеров и звон лифтов. Охранник на входе кивнул Анне, не отрываясь от кроссворда. Она приложила пропуск к турникету.

Пик.

Зеленый огонек. Добро пожаловать в систему.

8:57.

Она успела. Три минуты до штрафа.

Офис на четвертом этаже встретил её запахом разогретого пластика, дешевого кофе из автомата и той особенной, пыльной тишины, которая бывает в помещениях, где много бумаги и мало кислорода.

– Привет, Ань, – бросила на ходу секретарша Леночка, цокая каблуками по коридору. В руках у нее была стопка папок.

– Привет, – отозвалась Анна, вешая пальто в шкаф. Плечики звякнули друг о друга, как тюремные решетки.

Она села за свой стол у окна. Когда-то она боролась за это место, думая, что вид на город будет вдохновлять. Теперь жалюзи были опущены – солнце бликовало на мониторе, мешая работать с таблицами. Окно превратилось в еще одну стену.

Анна нажала кнопку включения компьютера. Системный блок под столом загудел, набирая обороты, как взлетающий самолет, который никогда не оторвется от земли.

Загрузка Windows...

Пока крутилось колесико, она расставила на столе свои якоря: кружка с надписью «Лучший бухгалтер» (подарок на 8 марта три года назад, уже со сколом на ручке), кактус, который выжил вопреки всему, и фотография Максима в третьем классе. На фото он улыбался, показывая выпавший зуб. Сейчас этот улыбающийся мальчик казался ей таким же далеким, как и та Анна, которая ставила эту рамку.

Экран вспыхнул рабочим столом. Иконки. Папки. «Отчеты 2023», «Сверка», «Акты». Она открыла 1С. Привычный интерфейс. Серые поля. Бесконечные столбцы цифр. Дебет. Кредит. Сальдо. Эти слова когда-то звучали для нее как музыка порядка. Она любила, когда все сходилось, когда хаос финансовых потоков превращался в стройную структуру баланса. Сейчас это была не музыка, а монотонный стук метронома.

Стук-стук. Ввод. Стук-стук. Enter.

Она начала вбивать накладные за прошлую неделю. Пальцы летали над клавиатурой. Она не смотрела на клавиши, тело помнило расположение каждой кнопки.

– Так, ООО «Вектор», – пробормотала она себе под нос. – НДС восемнадцать тысяч... Сюда.

Время потекло странно: оно растягивалось, как резина, и одновременно сжималось в точку. Казалось, прошла вечность, а часы в углу экрана показывали всего 9:15.

Анна почувствовала, как начинает ныть шея, привычная боль, её верный спутник. Она покрутила головой, услышав хруст позвонков.

Взгляд упал на соседний пустой стол. Марину уволили в прошлом месяце «по соглашению сторон». Теперь её работа легла на Анну без доплаты, разумеется. «Временно», – сказал начальник. «Временно» длилось уже тридцать дней.

Она снова уткнулась в монитор. Глаза начинали слезиться. Цифры плыли.

12 450,00

3 890,50

76 200,00

За этими цифрами стояли чьи-то сделки, чьи-то успехи, чьи-то деньги. За ними была жизнь, но для Анны они были просто пикселями, которые нужно расставить по ячейкам. Она чувствовала себя археологом, который каждый день раскапывает один и тот же скелет, описывает каждую косточку, а потом закапывает обратно, чтобы завтра начать всё сначала.

Внезапно экран мигнул и погас на секунду.

Сердце екнуло. Не сохранила! Но изображение вернулось. Просто скачок напряжения.

Анна выдохнула. И тут же поймала себя на мысли: «А если бы сгорел? Если бы всё это исчезло? Что бы я почувствовала?» Страх? Или... облегчение?

Она представила, как встает, берет сумку и просто уходит. Мимо Леночки, мимо охранника, на улицу, в тот самый морозящий дождь, без объяснений, без заявления. Представила –

и тут же испугалась. Куда идти? Что делать? Ипотека. Кредит за машину. Репетиторы Максима. Она рабыня этих цифр.

Анна вздохнула, поправила очки, которые сползли на нос, и снова положила руки на клавиатуру. *Стук-стук. Ввод. Стук-стук. Enter.*

День продолжался. Жизнь стояла на паузе.

Обед в офисе – время, когда люди выползают из своих нор, чтобы совершить ритуал поглощения пищи, имитируя социальную жизнь.

В 13:05 Анна встала. Шея задеревенела окончательно. Она направилась к кулеру в конце коридора, сжимая в руке свою единственную верную подругу – кружку с надписью «Лучший бухгалтер». Кофе закончился еще утром, нужно было просто налить горячей воды, чтобы сделать видимость паузы.

Коридор был пуст, но из приоткрытой двери переговорной доносились голоса: женский смех (Катя из отдела кадров) и низкий, уверенный баритон начальника отдела продаж. Обычно Анна проходила мимо, стараясь не мешать, стать прозрачной, но сегодня что-то заставило её замедлить шаг. Может быть, интонация. Слишком... заговорщицкая?

– ...списки уже у Генерального, – донеслось до неё. Голос Кати стал тише, почти шепотом. – Говорят, бухгалтерию порежут первой.

– Давно пора, – ответил баритон. – Там одни тетки сидят, мхом поросли. Им бы на пенсию, внуков нянчить, а они в 1С ковыряются.

Анна замерла. Сердце пропустило удар, потом еще один, и забилося где-то в горле, гулко и больно. «Тетки». «Мхом поросли». Это про неё. Она, Анна Сергеевна, сорок два года, высшее экономическое, двадцать лет безупречного стажа, ни одного штрафа от налоговой – она теперь «тетка».

Она прижалась спиной к холодной стене рядом с дверью, не в силах сделать шаг, ноги стали ватными, в голове зашумело. «Списки». Списки на сокращение.

– А эту, ну, как её... Сер... геевну? – спросил голос.

– Анну? – Катя хмыкнула. – Она в первой очереди. Там зарплата высокая, а функционал... Ну, ты понимаешь. Студентка за тридцатку справится быстрее.

Воздух в коридоре сгустился. Анна чувствовала, как кровь отливает от лица. Ей стало жарко, потом холодно. «Студентка за тридцатку». Вся её жизнь, все её бессонные ночи во время квартальных отчетов, все её знания, опыт, ответственность – всё это оценили в «тридцатку» и списали в утиль.

Она посмотрела на свою руку, сжимающую кружку. Костяшки побелели, ногти, аккуратно подстриженные, без лака (экономия времени и денег), впились в керамику. Ей хотелось ворваться туда, швырнуть кружку в стену, закричать: «Я не тетка! Я человек! Я специалист! Вы без меня утонете в штрафах через месяц!». Но она не ворвалась.

Она сделала то, что делала всегда: сглотнула ком в горле, поправила очки и тихо, стараясь не скрипеть подошвами, пошла дальше, к кулеру.

Вода лилась в кружку тонкой струйкой. *Буль-буль-буль*. Звук казался оглушительным.

Внутри Анны что-то оборвалось, та самая ниточка, на которой держалась её уверенность в завтрашнем дне: стабильность, ипотека, будущее сына. Всё это сейчас висело на волоске, который вот-вот перережут ножницами «оптимизации».

Она стояла у кулера, глядя на дрожащую гладь кипятка. «Что я скажу Игорю? Что я скажу Максиму?».

Страх перед будущим смешался с унижением настоящего. Она почувствовала себя старой, ненужной вещью, которую выносят на помойку, чтобы освободить место для новой, блестящей, дешевой мебели.

– Анна Сергеевна? – раздался голос за спиной.

Она вздрогнула так, что горячая вода плеснула на руку.

Перед ней стояла та самая Катя. Молодая, свежая, с идеальным маникюром и улыбкой, которая не касалась глаз.

– Вы что-то хотели? – спросила Катя, чуть склонив голову набок. Взгляд её скользнул по мокрому пятну на блузке Анны оценивающим взглядом, взглядом хищника на раненую антилопу.

– Нет, – выдавила Анна. Голос её не слушался, был чужим. – Просто воды попить.

– А, ну пейте, пейте, – Катя усмехнулась и прошла мимо, оставляя за собой шлейф дорогих сладких, приторных духов.

Анна осталась одна. Ожог на руке пульсировал, но большее было внутри.

«Я – прошлое», – подумала она. – «Я – отработанный материал. И они это знают. И я это знаю».

Она сделала глоток. Вода была безвкусной, как её жизнь. Нужно было возвращаться за стол, дорабатывать пока не выгнали.

Анна вернулась за свой стол, как побитая собака в будку. Ожог на руке ныл, напоминая о реальности происходящего. Она села, машинально поправила стопку бумаг (уголок к уголку, идеально ровно), но работать не могла. Буквы на экране расплывались в бессмысленные черные червячки.

Прямо напротив, через проход, за перегородкой из матового стекла, сидела Алина – новая помощница маркетолога. Ей было двадцать три.

Сегодня Алина была в ярко-желтом свитере. В этом сером, пыльном офисе, где даже цветы в горшках казались выцветшими, она выглядела как инородное тело, как вспышка сверхновой, как канарейка в шахте.

Алина не работала. Она крутилась на стуле – влево-вправо, влево-вправо – и болтала по мобильному, прижав его плечом к уху, пока красила ногти лаком.

– Да ладно тебе! – звонкий смех Алины разрезал густую офисную тишину, как нож масло. – Ну и что, что я отчет не сдала? Сдам завтра. Никита сказал, что прикроет. Ой, ты бы видел, как он на меня смотрел!

Анна замерла, глядя на этот желтый свитер. «Сдам завтра». «Прикроет». Легкость, невыносимая, преступная легкость бытия.

Анна вспомнила себя в двадцать три. Она уже была замужем за Игорем. Она уже работала младшим бухгалтером, боялась опоздать на пять минут, боялась ошибиться в запятой. Она носила серые костюмы, чтобы казаться старше и серьезнее. Она строила фундамент.

Алина строила глазки и, кажется, была счастливее.

– Слушай, мы сегодня идем в тот бар на крыше? – продолжала щебетать Алина.

– Я платье новое купила. Такое, знаешь... с вырезом. Хочу танцевать до утра, а то эта работа – тоска зеленая.

«Тоска зеленая».

Для Алины это – временная остановка, скучный эпизод перед настоящей жизнью, которая начинается вечером. Для Анны это – финал. Это всё, что у неё есть.

Анна почувствовала, как к горлу подступает горький ком. Это была не зависть к красоте. У Анны в молодости была более тонкая талия, более густые волосы. Нет. Это была зависть к праву на ошибку, к праву быть легкомысленной, к праву жить здесь и сейчас, не думая об ипотеке, о пенсионных баллах, о том, что скажут люди.

Алина закончила разговор, бросила телефон на стол и потянулась, сладко зевнув. Её взгляд скользнул по офису и наткнулся на Анну.

На долю секунды их глаза встретились. В глазах Алины не было ни уважения, ни неприязни. Там было... *ничего*, пустота. Так смотрят на стул, на шкаф, на старый принтер, который жужжит в углу.

Алина отвернулась, взяла зеркальце и начала поправлять помаду.

Анна опустила глаза в монитор. Щеки горели. Она почувствовала себя прозрачной, призраком, который наблюдает за живыми, но не может их коснуться.

Запах духов Алины – что-то ванильно-фруктовое, приторное – долетел до стола Анны, перебивая запах пыли и старого кофе. Этот запах был агрессивным утверждением жизни.

«Я здесь. Я молодая. Я имею значение». А Анна пахла ничем или, может быть, страхом. Она попыталась сосредоточиться на таблице. *ООО «Вектор». Дебет. Кредит.*

Цифры не сходились. Впервые за много лет она не могла сложить два и два.

В голове крутилась фраза Алины: «Хочу танцевать до утра».

Когда Анна в последний раз танцевала? На свадьбе брата Игоря, семь лет назад? Нет, она тогда сидела с родственниками и обсуждала цены на недвижимость.

Она украдала у себя жизнь, сама, добровольно в обмен на безопасность, и вот теперь эта безопасность рушится («Списки у Генерального»), а жизни – той, яркой, в желтом свитере – у неё никогда и не было.

Она посмотрела на свои руки, лежащие на клавиатуре: кожа сухая, вены проступают отчетливее, чем раньше, маникюра нет.

– Господи, – прошептала она. – Мне всего сорок два. Почему я чувствую себя на сто?

Алина снова засмеялась, запрокинув голову, демонстрируя безупречную линию шеи. Этот смех, звенящий и легкий, как рассыпанные монеты, ударил Анну по натянутым нервам. Он звучал не как радость, а как приговор: «*Ты здесь лишняя. Твое время вышло*».

Воздух в кабинете вдруг стал плотным, нечем дышать. Смех Алины, гул компьютера, запах ванильных духов – всё это слилось в удушающий кокон. Анне нужно было выйти прямо сейчас, иначе она закричит или расплачется прямо здесь, при всех.

Она резко отодвинула стул. Ножки скрипнули по линолеуму, как ножом по стеклу. Алина даже не обернулась. Анна схватила сумку, словно в ней было спасение, и, не глядя ни на кого, быстрым шагом направилась к выходу.

В коридоре было чуть легче. Ноги сами несли её в единственное место, где можно было закрыть дверь на замок и остаться одной.

Туалет в конце коридора встретил её гудением вытяжки и резким запахом «Морского бриза», который безуспешно пытался заглушить запах хлорки и человеческой жизнедеятельности. Кафель светло-зеленого, тоскливо-больничного цвета, отражал свет мигающей лампы.

Анна зашла в крайнюю кабинку и щелкнула шпингалетом. Здесь, на двух квадратных метрах, между унитазом и держателем для бумаги, она наконец-то могла перестать держать лицо.

Она опустила крышку унитаза и села, сторбившись. Сумка сползла с плеча на грязный пол, но ей было все равно. Она закрыла лицо руками. Ладони были холодными и влажными.

В висках стучало: «*Списки. Списки. Списки*». И эхом: «*Тетка. Мох. Старая*».

Ей нужно всего пять минут тишины, чтобы собрать себя обратно в кучу, как рассыпанный пазл. Вдох. Выдох. Она – Анна Сергеевна, главный бухгалтер. У неё сын-подросток, которому нужны репетиторы, ипотека, которую нужно закрыть, муж, который... который просто есть. Всё нормально. Всё под контролем. Она повторяла это как мантру, раскачиваясь вперед-назад, но слова были пустыми. Они не грели, не успокаивали. Они звучали как ложь.

Она резко встала, чувствуя, что если просидит так еще минуту – просто не сможет подняться. Подошла к раковине. Включила холодную воду. Подняла глаза на зеркало.

Свет люминесцентной лампы был безжалостным, как операционная бестеневая лампа. Он высвечивал каждую пору, каждую тень, всё, что она так старательно замазывала тональным кремом по утрам, темные круги под глазами – провалы, глубокая, скорбная складка у рта, потухший взгляд, в котором плескалась серая муть усталости, кожа казалась пергаментной, безжизненной.

– Кто ты? – прошептала Анна своему отражению. Губы едва шевелились.

Из зеркала на неё смотрела тетка, та самая, из разговора в коридоре, тетка, которая поросла мхом, удобная, предсказуемая, безопасная функция.

Анна приблизилась к стеклу почти вплотную, так, что её дыхание оставило на нем мутное пятно. Где та девочка с длинной косой, которая в восемнадцать лет сидела на крыше общежития и рисовала закаты акварелью? Которая мечтала увидеть Байкал и Париж? Которая верила, что мир принадлежит ей? Она вглядывалась в свои зрачки, пытаясь найти там хоть искру той Анны, но там была только чернота. Её сожрали отчеты, собрания, родительские чаты, воскресные уборки, бесконечное «надо», «должна», «так принято».

Она подставила руки под ледяную струю, набрала пригоршню воды и плеснула в лицо. Раз, другой. Вода текла за шиворот, холодила кожу, но внутри всё равно пекло.

– Я же живая... – прошептала она, глядя, как капли стекают с подбородка, смешиваясь со слезами, которые она даже не заметила. – Я еще живая. Мне всего сорок два. Я не хочу быть мохом.

Но зеркало молчало. Оно отражало только факт: женщину в мокрой серой блузке, с размазанной тушью, стоящую в казенном туалете посреди рабочего дня, который может стать началом конца.

Внезапно дверь туалета открылась с грохотом. Вошли две сотрудницы из логистики, громко обсуждая распродажу в торговом центре.

– ...да ты что, там скидки пятьдесят процентов на обувь! – звенел голос одной.

– Серьезно? Надо бежать после работы!

Анна дернулась, как пойманный вор. Быстро вытерла лицо жестким бумажным полотенцем, царапая кожу, натянула на губы дежурную полуулыбку, поправила очки, которые запотели.

– О, Анна Сергеевна! – кивнула одна из вошедших, не прерывая разговора о сапогах.

– Добрый день, – голос Анны прозвучал ровно, механически, профессионально.

Она вышла в коридор, чувствуя спиной их равнодушные взгляды.

Маска была надета обратно, но под ней, там, где раньше была душа, теперь зияла дыра, сквозь которую свистел сквозняк. Она вернулась в свой кабинет к своему столу, к своей жизни, которая трещала по швам, но которую она все еще пыталась удержать.

Проходя мимо стола Алины, Анна заметила, что та снова красит губы, глядя в экран выключенного смартфона. Жизнь продолжалась, не заметив отсутствия Анны. Никто не спросил: «Ты где была?», «У тебя красные глаза?». Она вернулась на свое место так же незаметно, как пылинка оседает на подоконник.

Анна села. Стул привычно скрипнул, принимая форму её тела. Она поправила мышку, сдвинув её ровно на два сантиметра вправо – туда, где на коврик уже образовалась потертость. Всё должно быть на своих местах, хаос внутри нужно компенсировать идеальным порядком снаружи.

На мониторе мигал курсор в ячейке *F14*. Он пульсировал, как нервный тик: *миг-миг-миг*; требовал цифру, требовал внимания.

Анна положила руки на клавиатуру, но пальцы не слушались, они дрожали едва заметно, мелкой, противной дрожью. Она сцепила их в замок, пытаясь унять этот бунт тела.

«Работать. Просто работать. До вечера осталось три часа».

И в этот момент тишину её личного вакуума разрезал звук. *Бззз-бззз*.

Телефон, лежавший на краю стола экраном вниз (чтобы не отвлекаться), завибрировал. Звук был глухим, сверлящим, отдающимся в столешнице. Он резонировал с пустотой у неё в желудке.

Анна вздрогнула. Она ненавидела внезапные звонки. В её мире телефон был инструментом контроля, а не общения. Звонить могли только Игорь (список покупок), Максим (проблемы в школе) или банк (предложение кредита, который ей не нужен).

Она медленно перевернула аппарат. Экран светился холодным белым светом. На дисплее не было имени. Только цифры: +7 916... Номер был незнакомым, но странно знакомым в своей комбинации, словно она видела его в другой жизни, написанным на вырванном листке из тетради в клеточку.

Сердце Анны пропустило удар. Странное, иррациональное чувство тревоги кольнуло под ребрами. «Кто это?» Мошенники? «Служба безопасности банка»? Реклама стоматологии? Или... новости о сокращении? Может, кадровики звонят с личных номеров, чтобы не вызывать паники?

Палец завис над зеленой кнопкой. В голове включился внутренний цензор – строгий, застегнутый на все пуговицы голос рассудка: *«Не отвечай. Ты на работе. Это наверняка спам. У тебя нет времени на глупости. Не нарушай правила».*

Телефон продолжал вибрировать, танцуя на гладкой поверхности стола.

Бззз-бззз.

Этот звук казался ей мольбой или требованием. В нем была настойчивость, не похожая на бездушный автодозвон робота.

Анна смотрела на цифры...45—12. Что-то царапнуло память.

«Возьми», – шепнуло что-то внутри, то самое, что пять минут назад плакало перед зеркалом. – «Вдруг это важно? Вдруг это... выход?»

– Анна Сергеевна, вы отчет по дебиторке подготовили? – голос начальника, проходящего мимо, прозвучал как гром среди ясного неба.

Анна дернулась, испуганно накрыв телефон ладонью, словно прятала улику.

– Да... почти. Через час будет у вас на почте, – соврала она, не поднимая глаз.

– Жду, – бросил начальник и прошагал дальше.

Телефон под её ладонью завибрировал в последний раз – длинно, обреченно – и затих. Экран погас. «Пропущенный вызов (1)».

Анна медленно убрала руку. Черный прямоугольник снова стал просто куском пластика и стекла. Она не взяла трубку. Она сохранила свои границы. Она не позволила хаосу вторгнуться в её расписание.

Но почему тогда внутри стало так холодно? Почему ей показалось, что она только что, своими руками, закрыла дверь перед кем-то, кто стоял под дождем и ждал, что ему откроют?

Она смотрела на погасший экран еще несколько секунд, ожидая, что он снова загорится. Но телефон молчал. Анна вздохнула – тяжело, с хрипом. «Показалось. Просто нервы».

Она вернула руки на клавиатуру.

Ячейка F14.

12 450,00.

Enter.

Цифры встали на место. Жизнь встала на место, но чувство утраты, тонкое, как запах озона после грозы, осталось висеть в воздухе. Она еще не знала, что только что сбросила звонок от человека, который мог бы перевернуть её мир, и что судьба, в отличие от банка, редко перезванивает дважды.

Она доработала ровно до 18:00, ни минутой меньше, ни минутой больше. Выключила компьютер, собрала вещи и вышла в коридор, где уже гасили свет. В темноте офиса её фигура казалась маленькой и хрупкой, как забытая на столе скрепка.

Её дом встретил Анну запахом жареной картошки – тяжелым, маслянистым, вьёвшимся в обои. Игорь готовил. Это значило, что он пришел раньше, что у него «окно» между встречами, и что настроение у него, скорее всего, благодушное.

Она поморщилась. Ей хотелось тишины и стерильности, а не кухонных ароматов.

– Я дома, – сказала она в пустоту коридора, ставя сумку на тумбочку.

– Угу, мы едим! – донеслось из кухни.

Анна прошла на кухню. Телевизор работал на полную громкость. Очередное ток-шоу, где люди орали друг на друга. Игорь и Максим сидели за столом. Перед ними стояла огромная сковорода с картошкой, прямо в центре, без подставки. Игорь ел прямо из нее вилкой, Максим ковырял в телефоне свободной рукой.

– Садись, – кивнул Игорь на стул, не отрываясь от экрана, где ведущий разоблачал чью-то измену. – Я тут с луком сделал, как ты любишь.

«Как ты любишь».

Анна посмотрела на картошку. Жирную, подгоревшую. Она ненавидела лук. Она говорила ему об этом двадцать лет.

– Спасибо, я не голодна, – тихо сказала она.

– Да ладно тебе, поешь, – отмахнулся Игорь. – Чего зря добру пропадать? Я старался.

Она села. Просто чтобы не спорить, взяла вилку. Максим даже не поднял головы. Его мир по-прежнему был ограничен экраном смартфона.

– Как контрольная? – спросила Анна, глядя на его макушку.

– Норм, – буркнул сын.

– Какая оценка?

– Мам, ну не начинай, а? Сказал же – норм.

Игорь хмыкнул, прожевывая кусок.

– Отстань от парня, Ань. Дай поесть спокойно. Видишь, человек отдыхает.

Анна положила вилку. «Человек отдыхает». А она? Кто она здесь?

Она посмотрела на мужа, на его довольное, лоснящееся от масла лицо, на сына, который был где-то далеко. Они были семьей на бумаге, в паспорте, в свидетельстве о собственности на квартиру, но здесь, за этим столом, она чувствовала себя инопланетянкой, потерпевшей крушение на чужой планете, где аборигены говорят на непонятном языке и едят странную пищу.

– Я пойду к себе, – сказала она, вставая.

– А посуда? – удивился Игорь. – Я же готовил.

Анна замерла. «Я готовил». Героический подвиг. Теперь её очередь служить – мыть жирную сковороду, тарелки, вилки. Она посмотрела на свои руки, на ожог от кипятка, который уже начал проходить, но кожа всё еще была красной.

– Я позже помою.

Она вышла из кухни, спиной чувствуя их недоуменные взгляды.

В спальне было темно. Она не стала включать свет. Села на край кровати, прямо в одежде. Пальто она сняла в прихожей, но ощущение брони осталось.

Тишина комнаты давила на уши. Она достала телефон. Экран загорелся.

Пропущенный вызов (1). Тот самый номер +7 916... Анна провела пальцем по стеклу. Может быть, перезвонить? Спросить: «Кто это?». Но страх был сильнее. Страх разрушить эту хрупкую, ненавистную, но понятную конструкцию своей жизни.

Она нажала «Удалить». Номер исчез, как будто его не было.

Анна легла, свернувшись калачиком в позу эмбриона, подтянув колени к груди. Единственная поза, в которой можно пережить эту ночь.

Из кухни доносился смех Игоря и звуки телевизора. Жизнь там, за стеной, продолжалась, а здесь, в темноте, Анна закрыла глаза и впервые за день позволила себе заплакать, без звука. Горячие и солёные слезы текли по вискам, впитываясь в подушку. Она плакала не о сокращении, не о муже, не о сыне. Она плакала о себе. О той Анне, которая умерла где-то между станцией «Театральная» и отчетом по НДС.

Понедельник закончился. Завтра будет вторник. Точно такой же.

Глава 2. Лишний элемент

Вторник начался не с будильника, а с тяжести. Анна открыла глаза за минуту до звонка, чувствуя себя так, словно всю ночь разгружала вагоны с углем. Веки были припухшими – вчерашние слезы в подушку не прошли бесследно. Голова гудела тупой, ватной болью где-то в затылке. Она встала. Тело сопротивлялось каждому движению, каждый сустав ныл, умоляя вернуться в горизонтальное положение, но надо было вставать.

– Доброе утро, – буркнула она Игорю, столкнувшись с ним в дверях ванной.

Он не ответил, просто посторонился, пропуская её, глядя в свой неизменный телефон.

«Я – призрак», – подумала Анна. – «Я уже прозрачная. Может, мне и на работу не надо идти? Может, там меня тоже не увидят?»

Дорога до офиса прошла как в тумане. Метро, давка, запах сырых курток – всё это проплывало мимо, не задевая сознания. Внутри неё поселился холодный, липкий страх. Он ворочался в животе, как живое существо, как предчувствие какого-то события.

Она вошла в офис в 8:55 и сразу поняла: что-то изменилось.

Обычно в это время коридор гудел: сотрудники здоровались, обсуждали погоду, смеялись у кофемашины. Сегодня воздух был стерильным и натянутым, как струна, готовая лопнуть.

Леночка на ресепшене, которая всегда встречала её дежурной улыбкой, сегодня вдруг очень внимательно начала изучать свои ногти, когда Анна проходила мимо.

– Привет, Лен, – сказала Анна, стараясь звучать бодро.

Леночка дернулась, подняла глаза на секунду – в них мелькнул испуг – и быстро кивнула:

– Здравсьте, Анна Сергеевна, – и тут же уткнулась в бумаги.

Анна прошла дальше. Офис встретил её тишиной. Клавиатуры стучали, но разговоров не было. Коллеги, с которыми она работала бок о бок пять, семь, десять лет, вдруг стали очень заняты: кто-то резко отвернулся к окну, кто-то надел наушники, кто-то нырнул под стол, якобы поправляя провода. Вокруг неё образовалась зона отчуждения, вакуум.

«Они знают», – пронеслось в голове. – «Они все уже знают. Я – ходячий мертвец, а они боятся заразиться».

Она дошла до своего стола в свою «крепость». Села. Руки дрожали. Она положила их на колени, чтобы унять дрожь. Вдох. Выдох. «Это просто паранойя, Аня. У тебя нервный срыв. Никто ничего не знает. Работай».

Она нажала кнопку включения компьютера. Гул кулера показался ей слишком громким в этой тишине. Экран мигнул приветствием. Она ввела пароль. Рабочий стол загрузился. Знакомые папки. Фото сына. Кактус. Всё как всегда.

– Фух... – выдохнула она.

Мышка скользнула к сетевой папке «Финансы_Общая», где лежали все текущие отчеты. Анна делала это движение каждое утро на протяжении двенадцати лет. Двойной клик.

Вместо привычного окна с файлами на экране всплыло маленькое, злое прямоугольное окошко: красный крестик, ошибка доступа.

У вас нет прав для просмотра этой папки. Обратитесь к системному администратору.

Анна замерла. Сердце пропустило удар и ухнуло куда-то в пятки.

– Что за ерунда? – прошептала она.

Она попробовала снова. Двойной клик. Ошибка доступа.

Может, сбой сети? Может, сервер упал?

Она оглянулась. Алина за соседним столом бодро щелкала мышкой, открывая и закрывая какие-то документы. У неё всё работало. Сисадмин Паша прошел мимо с кружкой кофе, насвистывая.

Анна почувствовала, как холодный пот течет по спине. Это не сбой. Это – отключение. Её отключили от кровеносной системы компании. Она всё еще сидела здесь, в своем кресле, но её цифровая копия уже была стерта.

Она попробовала открыть почту. Outlook завис на секунду, а потом выдал: «Ошибка подключения к серверу Exchange. Ваша учетная запись заблокирована или отключена».

Анна отняла руки от клавиатуры, словно та была раскаленной. Она смотрела на красный крестик на экране. Он пульсировал перед глазами, разрастаясь до гигантских размеров.

«Меня выключили. Как лампочку. Щелк – и темнота».

В этот момент в кармане пиджака завибрировал телефон. Она медленно, как во сне, достала его. СМС от банка: «Напоминаем о платеже по кредиту 25.10. Сумма: 18 400 руб. Не забудьте пополнить счет».

Анна посмотрела на экран компьютера, потом на телефон. Реальность схлопнулась. Паника, которую она сдерживала со вчерашнего вечера, прорвала плотину. В висках застучало так, что казалось, сейчас лопнут барабанные перепонки.

Она подняла глаза. На другом конце офиса открылась дверь кабинета генерального директора. Оттуда вышла HR-директор, женщина с идеальной укладкой и лицом палача.

Она посмотрела прямо на Анну и направилась к ней.

Анна смотрела, как Ольга Петровна, HR-директор, приближается к ней. Её каблуки стучали по ламинату: *Цок. Цок. Цок*, как ритм неумолимого таймера обратного отсчета.

Вокруг повисла неестественная тишина. Клавиатуры, которые минуту назад стрекотали, как кузнечики, затихли. Даже кофемашина перестала гудеть. Казалось, весь офис затаил дыхание. Шестьдесят человек в огромном зале превратились в зрителей в римском амфитеатре, ожидающих, когда львы растерзают жертву.

Анна вжалась в кресло, мечтая стать меньше молекулы. «Только не при всех, пожалуйста, только не сейчас. Господи, пусть она пройдет мимо. Пусть она идет к Алине, к кому угодно».

Но Ольга Петровна не свернула. Её взгляд был приклеен к Анне, как прицел. Лицо – застывшая маска профессиональной скорби, которую надевают врачи, выходя к родственникам пациента.

Цок. Цок.

Она остановилась прямо у стола Анны. Запах дорогих, холодных духов (Chanel №5, кажется) накрыл Анну с головой.

– Доброе утро, Анна Сергеевна, – голос Ольги Петровны был мягким, почти ласковым, слишком громким для этой тишины.

Анна подняла глаза. Горло пересохло так, что язык прилип к нёбу.

– Доброе... – прохрипела она.

– Вас ждет Виктор Петрович, – Ольга Петровна чуть склонила голову набок, и в её глазах мелькнуло что-то похожее на... брезгливость? Или жалость? – И я. Пройдемте в переговорную.

«Пройдемте» – слово-приговор. Так говорят конвоиры, так говорят следователи.

Анна медленно встала. Ноги были ватными, колени дрожали так сильно, что ей пришлось ухватиться за край стола, чтобы не упасть. Стул скрипнул, прочертив ножками по полу резкий, противный звук. В тишине офиса это прозвучало как выстрел.

Она сделала шаг, второй. Ольга Петровна развернулась и пошла впереди, указывая путь. Анна поплелась следом, как послушная овца на бойню.

Они шли через весь зал. Это была её «Зеленая миля». Каждый шаг отдавался в ушах стуком собственного сердца. Анна чувствовала на спине десятки взглядов. Они жгли кожу сквозь ткань блузки. Она знала эти взгляды. Она сама так смотрела, когда увольняли других. В них была смесь облегчения («Слава богу, не меня»), злорадства («Освободилось место») и страха («Кто следующий?»).

Слева, за перегородкой, Катя из бухгалтерии, с которой они пили чай пять лет подряд, резко уткнулась в монитор, делая вид, что её не существует. Справа сисадмин Паша, который неделю назад просил Анну помочь с налогами, отвернулся к окну.

Она шла мимо стола Алины, которая не отвернулась, а смотрела прямо на Анну. В её глазах не было сочувствия, там было любопытство, как будто она смотрела реалити-шоу. Она даже перестала жевать жвачку.

«Они смотрят, как я умираю», – подумала Анна. – «Социально умираю».

Коридор казался бесконечным. Стены с мотивационными плакатами («Мы – команда!», «Успех зависит от каждого!») сужались, давили на виски. В голове билась одна мысль: «Почему я не ушла вчера? Почему я не заболела? Почему я пришла сюда, чтобы пережить это унижение?».

Ольга Петровна открыла тяжелую дубовую дверь кабинета генерального директора и жестом пригласила Анну войти. Из-за двери пахнуло кондиционированным холодом и кожей.

Анна остановилась на пороге. Ей захотелось развернуться и побежать. Вниз по лестнице, на улицу, куда угодно, но сзади стоял охранник, который, казалось, материализовался из воздуха. Пути назад не было.

Она шагнула внутрь. Дверь за спиной захлопнулась с глухим, окончательным звуком.

Бам.

Зрители остались снаружи. Спектакль окончен. Началась «казнь».

Кабинет генерального директора, Виктора Петровича, был похож на операционную. Белые стены, хромированные детали мебели, огромное окно во всю стену, за которым серый город казался нарисованным. Здесь всегда было прохладно. Кондиционер гудел тихо, но настойчиво, вымораживая эмоции.

Виктор Петрович сидел за огромным столом из красного дерева. Он не встал, даже не оторвал взгляда от планшета, только кивнул на стул напротив.

– Садитесь, Анна Сергеевна.

Стул был неудобным, жестким, с прямой спинкой, как для допросов. Анна села на самый краешек, сложив руки на коленях. Она пыталась унять дрожь, но пальцы предательски тряслись. Она сцепила их в замок до боли, до белых костяшек.

Ольга Петровна села рядом, на диванчик. Достала папку. Тонкую, синюю папку.

«Мое дело», – поняла Анна. – «Вся моя жизнь здесь. Двадцать лет уместились в три листа бумаги».

Виктор Петрович наконец отложил планшет, снял очки, потер переносицу, посмотрел на Анну. Взгляд был пустым, усталым. В нем не было ни злости, ни сочувствия, только скука.

– Анна Сергеевна, – начал он, – вы знаете, что компания сейчас проходит через сложный период трансформации. Рынок меняется. Мы должны быть гибкими, эффективными.

Анна кивнула. Машинально. Как китайский болванчик. «Гибкими, эффективными» – слова-пустышки, слова-убийцы.

– В связи с оптимизацией бизнес-процессов и внедрением новой системы автоматизации... – он сделал паузу, словно подбирал слова помягче, но не нашел и продолжил, как по написанному, – ваша должность подлежит сокращению.

Удар под дых. Анна открыла рот, чтобы вдохнуть, но воздух застрял где-то в горле.

– Сокращению? – прошептала она. Голос был чужим, ломким. – Но... Виктор Петрович, я же... Двадцать лет... Я ни разу не ошиблась... Я...

Виктор Петрович поморщился. Он не любил эмоции. Они мешали бизнесу.

– Мы безусловно ценим ваш вклад, Анна Сергеевна, но новая стратегия требует других компетенций. Нам нужны специалисты, владеющие современными цифровыми инструментами. Более... динамичные.

«Динамичные». Перевод: молодые, дешевые, не уставшие.

Ольга Петровна подала голос с дивана, мягкий, вкрадчивый голос сирены.

– Анна Сергеевна, мы предлагаем вам очень хорошие условия расставания. – Она открыла папку и пододвинула к Анне лист бумаги. – Соглашение сторон. Два оклада. Плюс компенсация за неиспользованный отпуск. Вы сможете спокойно искать новую работу, отдохнуть...

Два оклада. Анна смотрела на цифры: двести тысяч рублей. Цена её жизни. Цена её бессонных ночей, её нервов, её потерянного здоровья. Два месяца.

А потом? Ипотека. Максим. Квартплата. Еда. Два месяца тишины, а потом – пропасть.

– А если я не подпишу? – вдруг спросила Анна. Она сама испугалась своего голоса. Он прозвучал дерзко, отчаянно.

Виктор Петрович тяжело, с укоризной вздохнул.

– Тогда нам придется идти по процедуре сокращения штата. Это долго. Неприятно. Аттестации. Комиссии. Вы уверены, что хотите этого? У нас есть вопросы к вашей эффективности за последний квартал. Мы можем поднять эти вопросы официально.

Угроза, вежливая, завернутая в красивую упаковку, но угроза.

«Мы тебя уничтожим. Мы найдем ошибки. Мы испортим тебе трудовую книжку».

Анна почувствовала, как к глазам подступают горячие, злые слезы. Она посмотрела на Виктора Петровича. Он отвел взгляд. Ему было неприятно смотреть на плачущую женщину. Это нарушало стерильность его кабинета.

– Где подписать? – спросила Анна.

Ольга Петровна просияла. Она протянула дорожную, тяжелую, с логотипом компании ручку.

– Вот здесь и здесь.

Анна взяла ручку. Пальцы не слушались. Она поставила кривую, дерганую подпись. Буква «А» поехала вниз, как падающий самолет. Потом вторую, третью.

– Спасибо за понимание, Анна Сергеевна, – Виктор Петрович уже снова надел очки и взял планшет. Аудитория окончена. Следующий.

– Вы можете быть свободны, – добавила Ольга Петровна, забирая папку. – Вещи можете собрать сейчас. Расчет придет завтра.

Анна встала. Стул снова скрипнул. Она была пустой, выпотрошенной. Двадцать лет. Два оклада и всё.

Она пошла к двери. Ноги подгибались. У выхода она обернулась. Виктор Петрович уже что-то печатал. Ольга Петровна поправляла прическу в отражении шкафа. Их жизнь продолжалась. Анны Сергеевны для них больше не существовало.

Она толкнула дверь. Замок закрылся за её спиной. Звук был тихим, но окончательным, как удар молотка судьбы. Коридор встретил её тем же гулом, теми же взглядами, но теперь воздух казался разреженным, нечем дышать. Она сделала шаг, чувствуя, как пол под ногами слегка качается. Или это качался мир?

Путь обратно к столу был короче, чем путь на эшафот, но теперь он был лишен даже страха. Осталась только звенящая, оглушающая пустота. Анна шла, глядя под ноги, на знакомый узор ковролина: серый, с синими вкраплениями. Сколько раз она считала эти пятна, пока ждала у принтера? Тысячи раз. Теперь этот ковролин был чужим. Офис был чужим. Стекланные перегородки, за которыми сидели люди, превратились в стены аквариума. Она была внутри, за стеклом, но вода ушла. Она задыхалась.

Она прошла мимо отдела продаж. Смех. Кто-то рассказывал анекдот.

– ...и он такой: «А где отчет?» Ахаха!

Жизнь. Нормальная, обычная жизнь. Анна почувствовала себя призраком, невидимым для живых. Они не замечали её, или делали вид, что не замечают. Это было коллективное отрицание смерти. Пока они не смотрят на труп, они бессмертны.

Она дошла до своего стола. Он стоял там же, где и пятнадцать минут назад, но теперь он выглядел... сиротливо. Монитор погас, уйдя в спящий режим: черный прямоугольник Малевича, кактус на краю стола, кружка «Лучший бухгалтер», фотография Максима.

Всё это вдруг показалось ей бутафорией, декорациями в пьесе, которую сняли с репертуара. Эти вещи больше не принадлежали ей. Они принадлежали компании. Даже фото сына казалось здесь неуместным, пошлым вторжением личного в корпоративное.

Анна села. Стул скрипнул жалобно, словно прощаясь. Она положила руки на колени. Они всё еще дрожали. Что делать? Работать? Глупо. Доступа нет. Плакать? Нельзя. Алина смотрит. Катя смотрит. Весь офис смотрит. Сидеть и ждать конца рабочего дня? Еще шесть часов. Пытка.

Внезапно к ней подкатился на кресле Паша-сисадмин.

– Анна Сергеевна, – тихо сказал он, не глядя ей в глаза. – Мне... эээ... Виктор Петрович сказал учетку заблокировать и почту архивировать. Вы... это... файлы личные заберите, если есть. Флешку дать?

Паша был хорошим парнем. Она угощала его пирожками, чинил ей принтер без очереди. Теперь он был палачом, исполнителем приговора. Ему было стыдно, он краснел, теребил провод от мышки.

– Спасибо, Паша, – голос Анны был ровным, мертвым. – Не надо флешку. Там нет ничего личного.

– Ну... я тогда начну? Минут через десять? – он виновато улыбнулся.

– Да, начинай.

Паша уехал обратно за свою перегородку. Анна осталась одна посреди гудящего улья. Десять минут. У неё есть десять минут, чтобы стереть себя из памяти этого компьютера.

Она нажала пробел. Экран вспыхнул. *Введите пароль*. Она ввела. Последний раз.

Рабочий стол. Папка «Документы». Там лежали не только отчеты. Там были сканы паспортов – её, мужа, сына. Там были рецепты пирогов, которые она сохраняла в обед. Там были фотографии с корпоративов, где она еще улыбалась. Там был черновик письма подруге, который она так и не отправила.

Ctrl + A. Выделить всё.

Shift + Delete. Удалить безвозвратно.

Вы уверены, что хотите удалить 148 объектов?

Да. Да, черт возьми.

Полоска прогресса побежала вправо. Зеленая змейка, пожирающая её прошлое.

Вжик.

Папка пуста.

Анна откинулась на спинку кресла. Всё.

Цифровая Анна Сергеевна умерла. Осталась только оболочка в сером костюме, которая сидит за столом и не знает, куда деть руки.

Сбоку послышалось шуршание. Алина. Она встала, потянулась, демонстративно зевая. Подошла к кулеру, налила воды и, проходя мимо Анны, вдруг остановилась.

– Слышала, вы уходите? – спросила она звонким голосом на весь офис. – Жаль. А кто теперь будет первичку разносить?

Анна подняла на неё глаза. В этом вопросе не было сожаления. В нем был страх за свой комфорт. Алина боялась, что рутинная свалится на неё.

– Не знаю, Алина, – тихо ответила Анна. – Наверное, ты.

Алина фыркнула, закатила глаза и ушла. «Наверное, ты».

Это было маленькое, злое удовлетворение, но оно не принесло облегчения.

Анна посмотрела на часы.

10:15.

Ей нужно собрать коробку. Ей нужно встать и уйти, но тело не слушалось. Оно приросло к этому стулу. Оно боялось выйти за турникет, потому что там, за стеклянными дверями, был открытый холодный, безвоздушный, полный неизвестности, космос, а здесь, в аквариуме, хотя бы было тепло, пусть даже воды уже не было.

Через некоторое время к Анне снова приближалась Алина, отталкиваясь ногами в модных массивных кроссовках, буксуя креслом по проходу. В одной руке у неё был смартфон, в другой – стаканчик с недопитым латте. Лицо выражало крайнюю степень вселенской скуки.

Алина припарковалась вплотную к столу Анны, едва не отдавив ей ногу. Пахло сиропом, жженым кофе и той самой убийственной самоуверенностью, от которой Анне хотелось съежиться.

– В общем, Анна Сергеевна, – начала Алина, не отрывая взгляда от экрана телефона, где кто-то танцевал в коротком видео. – Виктор Петрович сказал, чтобы вы мне дела передали. Доступы там, пароли, где что лежит. Только давайте быстренько, у меня в одиннадцать созвон с подрядчиками.

«Быстренько». Двадцать лет жизни. Тысячи сведенных балансов. Ночи перед налоговыми проверками. Тома нормативных актов, изученных до запятой. Вся эта сложная, многоуровневая архитектура её профессионального опыта должна была уместиться в «быстренько» между кофе и созвоном.

Анна сглотнула сухость в горле. Внутри поднялась жалкая, беспомощная волна профессиональной гордости. Ей захотелось сказать: *«Девочка, ты не потянешь. Ты утонешь в первом же квартальном отчете»*, но она промолчала. Теперь это была не её проблема.

Она придвинула к себе мышку. Экран, который Паша-сисадмин еще не успел заблокировать окончательно, послушно засветился.

– Смотри, – голос Анны звучал глухо, как из-под земли. – Вот здесь, на диске X, лежит основная база. Я настроила макросы для выгрузки дебиторки. Если контрагент задерживает оплату больше чем на пятнадцать дней, ячейка подсвечивается красным. Тогда нужно открыть карточку договора...

– Подождите, – Алина, наконец, оторвалась от телефона и наморщила лоб. – Какие макросы? Мне это не надо. Вы мне просто покажите, в какую папку скидывать счета от поставщиков, чтобы они оплачивались.

Анна замерла, держа руку на мышке.

– Алина, счета нельзя просто «скидывать». Их нужно сверять с актами выполненных работ. Нужно проверять реквизиты. Если ты ошибешься в КПП, деньги уйдут в казначейство, и мы получим штраф. Я всегда делаю двойную сверку...

Алина громко вздохнула, всем своим видом показывая, как её утомляет эта старческая духота.

– Анна Сергеевна. Нам на прошлой неделе поставили новую программу для распознавания сканов. Она сама всё сверяет. Мне нужно только нажимать кнопку «Одобрить». Где эта папка?

В этот момент в груди Анны что-то окончательно треснуло и осыпалось мелким крошевом. *«Она сама всё сверяет»*. Её опыт больше не был защитой. Её знания больше не были нужны. Её заменил алгоритм: бездушный код, написанный какими-то мальчишками в толстовках, сделал её, Анну Сергеевну, живую женщину, бесполезным куском мяса на офисном стуле.

Все её переработки, все пропущенные утренники Максима, все семейные ужины, проведенные с ноутбуком на коленях, чтобы «свести дебет с кредитом» и не подвести компанию, всё это ради того, чтобы двадцатитрехлетняя девочка могла нажать кнопку «Одобрить», не отрываясь от просмотра смешных видео.

Она медленно убрала руку с мышки, открыла верхний ящик стола, достала общую тетрадь в плотной синей обложке. Уголки тетради растрепались от времени. Это был её личный

гримуар. Там были выписаны сложные формулы, контактные телефоны вредных инспекторов из налоговой, обходные пути для сложных проводок – её страховка, её капитал.

Анна положила тетрадь перед Алиной.

– Вот. Здесь все пароли: от клиент-банка, от ЭДО, от электронных подписей и алгоритмы. Если программа ошибется... здесь написано, как исправить руками.

Алина недоверчиво покосилась на тетрадь, словно это была дохлая мышь. Длинным ногтем с идеальным френчем она брезгливо подцепила обложку и сдвинула её к себе.

– Жесть. Бумажная тетрадь? Вы бы еще на бересте записали. Ладно, отдам айтишникам, пусть оцифруют.

Алина оттолкнулась ногами, кресло покатило назад.

– Всё, я побежала. Счастливо оставаться, Анна Сергеевна.

Она даже не пожелала удачи на новом месте.

Кресло Алины скрылось за перегородкой. Анна осталась одна.

Её руки лежали на пустом столе. Теперь здесь не было ни файлов, ни тетради с секретами, только клавиатура, на которой она больше никогда ничего не напечатает.

Она отдала ключи от своей жизни человеку, который даже не знал, какую дверь они открывают и, самое страшное, – этой двери больше не существовало.

Тишина вокруг её стола стала плотной, как вата. Нужно было уходить.

10:30.

Остаться здесь дольше было физически невыносимо.

Анна медленно выдвинула нижний ящик тумбы. Там, под стопками старых черновиков, лежала сложенная картонная коробка из-под бумаги «Светокопи». Она зачем-то хранила её года три – «на всякий случай, вдруг пригодится для архива».

Она разложила коробку. Дно нужно было заклеить скотчем. Анна потянулась к диспенсеру, оторвала кусок липкой ленты. Звук отрывающего скотча – *вжжжж* – прозвучал в тишине офиса оглушительно громко, как звук разрываемой ткани. Несколько голов за соседними перегородками дернулись и тут же спрятались обратно.

Коробка была готова. Пустое кубическое пространство объемом в двадцать литров.

Сюда должна поместиться её жизнь с 2006 по 2026 год.

Анна посмотрела на свой стол. С чего начать? Она взяла кружку: керамическая, тяжелая, с выцветшей надписью «Лучший бухгалтер» и сколом на ручке. Игорь подарил её на Восьмое марта в первый год её работы здесь. Тогда он еще делал подарки, тогда она еще верила, что эта надпись что-то значит. Она подержала кружку в руках. Внутри остался коричневый ободок от вчерашнего чая. «Взять с собой? Куда? Домой? Чтобы пить из нее на кухне и вспоминать, как меня вышвырнули?» Она разжала пальцы. Кружка с глухим стуком упала в мусорную корзину под столом. *Один ноль в пользу пустоты.*

Дальше кактус: маленький, скрюченный уродец в пластиковом горшочке. Он выжил в этом искусственном освещении, питаясь остатками воды из чужих стаканов. Он был таким же стойким и таким же никому не нужным, как она сама.

Анна осторожно взяла горшочек, стараясь не уколоться об иголки, и опустила на дно коробки.

Фотография Максима в третьем классе: улыбающийся мальчик без переднего зуба. Рамка из дешевого серебристого пластика. Анна провела пальцем по стеклу, стирая несуществующую пыль. Этот мальчик давно вырос, заперся в капюшоне и наушниках, и смотрел сквозь неё. Эта фотография была якорем, который держал её здесь, напоминанием о том, ради кого она терпит всё это.

Теперь терпеть не нужно. Якорь можно поднять.

Она положила рамку рядом с кактусом лицом вниз, чтобы не видеть этой улыбки.

Она открыла средний ящик: запасные колготки, таблетки от головной боли – три полупустых блистера, засохший лак для ногтей, пакетики с растворимым кофе, маленькое зеркальце с трещиной.

Она сгребла всё это в мусорку. Хлам. Весь её ящик был забит хламом, который должен был имитировать комфорт: таблетки от боли, которую причиняла эта работа; кофе, чтобы не уснуть на этой работе; колготки, чтобы выглядеть прилично на этой работе. Без работы всё это теряло смысл.

В самом дальнем углу ящика рука нащупала что-то твердое. Анна вытащила предмет на свет: маленькая, металлическая, потертая на углах коробочка с акварельными красками «Ленинград», 24 цвета. Она принесла их сюда лет пятнадцать назад. Зачем? Наверное, думала, что в обеденный перерыв будет рисовать эскизы в блокноте, что не даст цифрам окончательно сожрать цвета. Она открыла коробочку. Краски сохли, потрескались, покрылись слоем серой пыли. Кюветка с ультрамарином была почти пустой – когда-то это был её любимый цвет неба, которое она так и не написала. Анна смотрела на эти сухие квадратики пигмента, и у нее перехватило дыхание. Это был не просто старый набор красок. Это был труп её мечты, спрятанный в ящике рабочего стола.

Она бережно закрыла коробочку и положила в карман пиджака ближе к сердцу, не в коробку.

10:45.

Стол был пуст: ни бумажки, ни ручки, ни скрепки. Идеально чистая, гладкая поверхность цвета «светлый дуб» словно Анны Сергеевны здесь никогда и не было.

Компьютер ушел в спящий режим. Её двадцатилетний след стерся за пятнадцать минут.

Она взяла коробку в руки, которая оказалась пугающе легкой. Кактус и рамка для фото – вот и всё, что она вынесла отсюда.

Анна встала. Одернула пиджак – привычный жест, которым она всегда поправляла броню перед входом в кабинет начальника. Нужно было идти к лифтам, снова через весь офис. Она сделала глубокий вдох, подняла подбородок и сделала первый шаг.

Путь к лифтам был таким же длинным, как путь на эшафот, но теперь он ощущался иначе. Если тогда на неё давили взгляды, то сейчас она шла сквозь ватную пустоту.

Клик-клик-клик.

Её каблук отмеряли последние секунды пребывания здесь.

Люди расступались. Никто не встречался с ней глазами. Телефоны вдруг стали невероятно интересными, мониторы – притягательными, а пятна на ковролине требовали срочного изучения. Анна была кораблем-призраком, плывущим сквозь туман, и живые матросы старались не замечать её проклятых парусов.

Только у самых дверей, где стоял кулер, она краем глаза заметила движение. Катя из бухгалтерии, та самая, с которой они обсуждали рецепты и сплетничали в обед, суетливо наливала воду. Рука Кати дрогнула, вода пролилась мимо стаканчика. Она бросила на Анну быстрый, затравленный взгляд – и тут же отвернулась, ожесточенно вытирая капли салфеткой. Ни «до свидания», ни «мне жаль». Страх оказаться рядом с зараженной пересилил пятилетнюю привычку пить чай вместе.

Анна толкнула стеклянную дверь отдела плечом – руки были заняты коробкой. Коридор. Лифтовой холл. Она нажала кнопку вызова. Кнопка загорелась холодным синим светом.

Пока кабина ползла вверх, Анна смотрела на свое отражение в хромированных дверях лифта. Женщина с коробкой. Карикатура. Штамп из дешевого американского кино. Только там герои в этот момент гордо уходят в закат, а она чувствовала себя так, словно из неё выкачали всю кровь. В коробке тихо звякнула рамка с фотографией сына, ударившись о пластиковый горшок кактуса.

Дзинь. Двери разъехались. Кабина была пуста. Анна вошла, нажала «1».

Лифт пошел вниз, и с каждым этажом у Анны закладывало уши, как в самолете, теряющем высоту. Четвертый. Третий. Второй. Первый.

Холл бизнес-центра встретил её гулким эхом и запахом дорогого кофе из лобби-бара. Впереди был турникет – последняя граница. За стойкой сидел тот же охранник с кроссвордом. Он поднял глаза на Анну, скользнул взглядом по коробке. Его лицо не дрогнуло. Он видел таких оптимизированных, выброшенных каждый день.

Анна подошла к турникету, поставила коробку на холодный мраморный бортик, достала из кармана пластиковый пропуск на синей ленте с логотипом компании. Этот кусок пластика последние двадцать лет был её пропуском в жизнь. Он гарантировал зарплату 5-го и 20-го числа, оплаченный больничный, ДМС и иллюзию того, что она кому-то нужна.

– Карточку в лоток, пожалуйста, – буднично сказал охранник, постучав ручкой по прозрачному пластиковому контейнеру на стойке.

Анна посмотрела на карточку. Фотография на пропуске была сделана десять лет назад. Там у неё еще блестели глаза, а волосы были уложены в сложную прическу.

Она поднесла карточку к считывателю в последний раз. Вместо привычного зеленого писка турникет издал резкий, неприятный звук: *Биип*. И загорелся красным.

Доступ закрыт. Её учетная запись уже была удалена из системы безопасности. Паша-сисадмин работал быстро.

Охранник вздохнул, нажал кнопку под столом.

– Проходите. Карточку оставляйте.

Стеклянные створки турникета медленно, неохотно разъехались, пропуская её наружу. Анна бросила карточку в лоток. Она звякнула о другие такие же куски пластика – безымянную братскую могилу уволенных. Она подхватила коробку и шагнула за красную линию.

Вращающиеся двери бизнес-центра вытолкнули её на улицу. В лицо ударил резкий, влажный октябрьский ветер. Моросил мелкий, колючий дождь. Анна остановилась на широких гранитных ступенях.

Время было *11:05*. До конца рабочего дня оставалось почти семь часов. Мимо шли люди. Курьеры в желтых куртках, студенты с рюкзаками, женщины с пакетами. Город жил своей торопливой, равнодушной жизнью. Никто не обращал внимания на женщину с нелепой коробкой из-под бумаги, застывшую на ступенях.

Она сделала вдох. Воздух был холодным, с привкусом выхлопных газов и мокрого асфальта. Свобода. Вот она, свобода, о которой она так мечтала, стоя в душном вагоне метро. Свобода от таблиц, от Виктора Петровича, от будильника на *6:30*. Но почему эта свобода ощущалась не как полет, а как падение в бездонную шахту лифта?

Она прижала коробку к груди, как щит, и медленно, неуверенно спустилась по ступеням на тротуар.

Куда идти?

Домой нельзя. Если Игорь сегодня работает на удаленке, придется объяснять прямо сейчас, глядя в его равнодушные глаза, почему она вернулась в одиннадцать утра. Если его нет, то пустая квартира обрушится на нее тишиной, в которой можно сойти с ума, а в два часа вернется Максим. Она не была готова говорить. Она еще сама не до конца поверила в то, что произошло. Ей нужно было где-то переждать это чудовищно огромное, внезапно образовавшееся время.

Анна побрела вдоль проспекта, не разбирая дороги. В рабочие часы город выглядел иначе. У него был другой ритм – деловой, целеустремленный. Все вокруг знали, куда и зачем они идут. Курьеры несли еду, менеджеры с бейджиками на шеях спешили на бизнес-ланчи, ремонтные рабочие тянули кабель. Город был огромным, слаженным механизмом, из которого только что выплюнули одну сломанную шестеренку.

Через два квартала начался небольшой сквер. Деревья уже почти сбросили листву, и черные, влажные ветки царапали серое небо. Мокрые желтые листья налипли на асфальт, как кляксы.

Анна свернула с шумного проспекта на аллею. Нашла пустую скамейку – деревянные рейки потемнели от сырости – и села. Коробку она поставила рядом с собой. «Светокопи. 500 листов. Идеально для офисной техники».

Осенний холод начал медленно, методично пробираться под тонкое кашемировое пальто, купленное для коротких перебежек от метро до офиса, а не для сидения в парках, но Анна почти не чувствовала озноба, её морозило изнутри.

Мимо по аллее быстро прошла молодая женщина с коляской. Она толкала её одной рукой, а другой держала телефон у уха:

– ...нет, ты скажи своей маме, что мы сами решим, какое пюре давать Теме! – громко и зло вещала она.

В ней было столько энергии, столько права на этот гнев, на эту жизнь. Анна проводила её взглядом.

Потом на соседнюю скамейку присели двое парней в строгих костюмах, явно из соседнего бизнес-центра. Они курили и оживленно обсуждали начальника:

– ...и этот дебил требует свести всё к пятнице. Я ему говорю: «Сам своди, если такой умный!»

Они смеялись. Они были недовольны, но они были *внутри* системы. Анна поймала себя на том, что отчаянно, до боли в скулах завидует им, их праву жаловаться на начальника. У неё больше не было ни начальника, ни дедлайнов, ни пятницы. Для неё пятница теперь наступала каждый день, и это была самая страшная пятница в её жизни.

Внезапно в голове, где до этого стоял лишь белый шум шока, щелкнул тумблер. Включился бухгалтер. Её старый, верный, безжалостный профессиональный навык.

Дано: Два оклада и отпускные. Около двухсот сорока тысяч рублей.

Расход: Ипотека – сорок пять тысяч в месяц. Квартплата – восемь. Репетитор Максима по математике – пятнадцать. Продукты...

Цифры начали складываться в столбики, мигая перед глазами красным отрицательным сальдо. Двести сорок тысяч. При жесткой экономии – это три месяца жизни. Три месяца, в течение которых Игорь будет скрипеть зубами. Три месяца унижительного: «А куда ты потратила ту тысячу?».

А что потом? Она представила, как открывает сайт с вакансиями.

«Требуется бухгалтер. Опыт от 3 лет. Возраст до 35. Знание новых систем автоматизации...»

Анна сжала руки в кулаки, пряча их в карманы пальто. Правая рука нащупала холодную металлическую коробочку с акварелью. Кому она нужна в свои сорок два? С опытом, который устарел, как дисковый телефон? Она не умеет программировать макросы на питоне, она не знает модных agile-методологий. Она умеет быть честной, дотошной и безотказной, но рынку не нужна безотказность. Рынку нужна скорость. Алина со своим маникюром и кнопкой «Одобрить» стоит дешевле, чем Аннина дотошность.

Паника накатила душной, горячей волной, несмотря на холодный ветер. Дышать стало тяжело. Она – банкрот, не только финансовый, но и социальный.

Если убрать работу, что от неё останется? Жена, с которой не разговаривают? Мать, которую не слышат?

Мимо пробежала стайка школьников, громко гогоча. Один из них, в капюшоне, издали показался ей похожим на Максима. Анна подалась вперед, но мальчишка обернулся, и это оказалось чужое, прыщавое лицо.

Она откинулась на спинку скамейки.

Город продолжал шуметь, ехать, звонить, продавать и покупать, а она сидела на мокрой доске с картонной коробкой, в которой лежали мертвый кактус и фотография из прошлого, и понимала, что ей не за что зацепиться. Ни единой опоры. Тот фундамент, который она строила двадцать лет, отказывая себе во всем, оказался миражом.

Часы на экране телефона показывали 12:40. До вечера было еще так долго.

Она решила, что будет сидеть здесь, пока не замерзнет окончательно. Нужно было дотянуть до шести, чтобы вернуться домой в привычное время. Вернуться и сыграть свою последнюю, самую сложную роль – роль нормального, нужного человека. Спектакль должен продолжаться, даже если театр сгорел.

Холод постепенно вытеснял мысли, превращая тело в ледяной, нечувствительный кокон. Когда небо над городом потемнело и зажглись фонари, Анна заставила себя встать. Колени слушались плохо. Она посмотрела на картонную коробку. Принести её домой означало начать разговор прямо в прихожей. Анна подошла к ближайшей урне. Вытащила рамку с фотографией Максима и сунула её в свою кожаную сумку. Рамка едва влезла, поцарапав подкладку. Затем она взяла коробку вместе с мертвым кактусом и протолкнула её в узкую щель мусорного бака. Картон сжался с хрустом.

Она отряхнула руки.

Пора было идти на сцену.

Медленным шагом она дошла до своего дома. Ключ не попадал в замочную скважину. Пальцы, окоченевшие после пяти часов блужданий по осенним улицам и торговым центрам, где она пряталась от дождя, не гнулись. Со второй попытки замок поддался.

Щелк-щелк.

В квартире было тепло, даже душно. Пахло жареным мясом и каким-то мужским дезодорантом. Анна вошла, стараясь дышать тихо. Стянула пальто, которое теперь казалось свинцовым. В зеркале прихожей мелькнуло её лицо – бледное, с заострившимися скулами и красным от ветра носом. Глаза лихорадочно блестели.

«Только не сорваться. Только не сегодня», – приказала она себе.

Из гостиной доносился бубнеж телевизора. Игорь лежал на диване с ноутбуком на животе.

– Привет, – бросил он, не отрывая взгляда от экрана. – Ты сегодня чуть позже. Пробки?

– Да, – голос Анны дрогнул, но она тут же взяла себя в руки. Удивительно, как легко лгать человеку, который на тебя не смотрит. – Отчетный период. Завалили работой.

– Понятно, – Игорь зевнул. – Ужин на плите, если что. Я поел.

Анна прошла на кухню, включила свет. Стерильная чистота кухонных фасадов вдруг показалась ей враждебной. Эта квартира, купленная в ипотеку, которую они платили из двух зарплат, теперь превратилась в капкан. Как долго они смогут здесь жить на одну зарплату Игоря? Месяц? Два? А потом начнутся просрочки, звонки из банка, крики...

Она налила стакан воды. Пить хотелось невыносимо, горло пересохло от постоянного нервного напряжения. Сзади слышались шаркающие шаги Максима. Он вошел на кухню, как всегда, в наушниках, но один был сдвинут за ухо.

– Мам, привет.

Анна обернулась. Она попыталась улыбнуться сыну, но губы слушались плохо, растянувшись в какую-то болезненную гримасу.

– Привет, сынок. Как дела?

– Норм. Слушай, – он подошел к холодильнику, открыл его, бесцельно изучая полки. – Мы завтра после школы с пацанами в «Галерею» едем. Там кроссовки новые завезли, те самые, которые я показывал.

Анна замерла со стаканом в руке. Вода чуть не выплеснулась на пол.

– Кроссовки?

– Ну да. Старые уже каши просят, – Максим пнул носком левого кроссовка ножку стола. – Мне нужно двенадцать тысяч. Скинешь на карту?

Двенадцать тысяч. В её голове мгновенно, без её воли, щелкнули счеты. Двенадцать тысяч – это четверть её ипотечного платежа. Это продукты на две недели. Это деньги, которых у неё больше нет. Два оклада. Двести сорок тысяч на всё про всё. До конца... до какого конца? До дна.

– Максим... – начала Анна. Ей захотелось сказать правду, сказать: «Сынок, меня уволили. Нам не на что жить. Мы будем экономить на всем». Захотелось прижаться к его плечу и расплакаться, найти в нем опору, поддержку, но она посмотрела на его нетерпеливое, раздраженное ожиданием лицо. Он не просил, он требовал то, что считал своим по праву. Он не был готов к её слабости.

В дверях кухни появился Игорь. Он пришел за яблоком.

– Что там за цифры? – спросил он, откусывая кусок. – Опять обувь? Он же весной покупал.

– Пап, весной! У меня нога выросла! – возмутился Максим.

– Твоя очередь ему одежду покупать, Ань, – Игорь махнул яблоком в её сторону.

– Я в этом месяце за страховку машины отдал. Так что сама разбирайся.

«Твоя очередь». Как будто они были не семьей, а соседями по коммуналке, делящими счет за электричество. Анна посмотрела на мужа, на его спокойное, сытое лицо. Он был уверен в завтрашнем дне. Он работал, он зарабатывал, он контролировал свою часть бюджета. Её проблемы были только её проблемами. Если она сейчас скажет правду, он не обнимет её. Он скажет: «И что мы теперь будем делать? Как ты могла это допустить?».

Она не могла пережить этот разговор сейчас. У неё просто не было кожи, чтобы выдержать еще один удар.

Анна перевела взгляд на Максима.

– Хорошо, – сказала она ровным, мертвым голосом. – Я переведу тебе утром.

Лицо Максима мгновенно разгладилось.

– О, супер! Спасибо, мам! – он захлопнул холодильник и умчался в свою комнату.

Игорь пожал плечами:

– Балуешь ты его.

И тоже ушел, хрустя яблоком.

Анна осталась одна посреди светлой кухни.

Она только что отдала двенадцать тысяч из своего фонда выживания, просто чтобы купить себе еще одну ночь тишины. Она поставила стакан на стол. Руки дрожали так сильно, что стекло звякнуло о столешницу. Маска нормальности приросла к лицу намертво, и под ней Анна Сергеевна медленно задыхалась.

Она щелкнула выключателем, погрузив кухню во мрак, и пошла по коридору, чувствуя себя привидением в собственном доме.

Спальня встретила её привычным, размеренным присвистом. Игорь уже спал. Он всегда засыпал быстро, едва голова касалась подушки – привилегия людей, уверенных в том, что завтрашний день будет точной копией сегодняшнего.

Анна бесшумно разделась, аккуратно повесила серый офисный костюм на спинку стула – абсурдный жест, ведь завтра ей некуда его надевать, – и скользнула под одеяло.

Постель была ледяной. Анна свернулась калачиком на своей половине кровати, стараясь не касаться спины мужа. Любое прикосновение сейчас могло вызвать в ней истерику. Она закрыла глаза, надеясь, что усталость, накопившаяся за этот бесконечный день, просто вырубит её, как рубильник, но темнота под веками оказалась не спасением, а экраном, на который начал проецироваться весь её ужас.

Тишина квартиры давила на барабанные перепонки. В этой тишине сердце билось слишком громко, неровно, срываясь на галоп.

Двести сорок тысяч. Минус двенадцать на кроссовки. Двести двадцати восемь.

Цифры кружились перед глазами, как в сломанном игровом автомате.

В голове включился безжалостный таймер. Тик-так. Каждый день этой фальшивой жизни будет стоить ей денег, которых она больше не зарабатывает. А что завтра?

Завтра прозвенит будильник в 6:30. И что она сделает? Встанет, сварит кашу, оденется и выйдет за дверь? Поедет на метро, чтобы просто кататься по кольцевой линии, пока Игорь не уйдет на работу?

Грудь сдавило так, что стало трудно дышать. Паническая атака подкрадывалась медленно, как прилив. Анна открыла рот, хватая ртом воздух, но кислород словно не попадал в легкие. Она безработная в сорок два года, с ипотекой, с мужем, который говорит «твоя очередь платить», и сыном, который видит в ней только банкомат. Она – никто, оболочка, из которой выскребли всё содержимое и выбросили на помойку.

Она повернула голову и посмотрела на спящего Игоря. Лунный свет из незашторенного окна падал на его безмятежное, расслабленное лицо.

«Если я сейчас разбужу тебя и скажу правду, – подумала Анна, чувствуя, как по щеке катится горячая, злая слеза, – ты не обнимешь меня. Ты сядешь на кровати, потрешь лицо и спросишь: „И на что мы будем жить? Ты уже обновила резюме?“».

В этой двуспальной кровати она была абсолютно, тотально одинока. Между ней и мужем лежала не просто дистанция привычки – между ними лежала пропасть, в которую Анна падала прямо сейчас, а он даже не слышал её крика.

Анна отвернулась к тумбочке. Протянула дрожащую руку и взяла телефон.

Экран вспыхнул резким синим светом, резанув по глазам.

02:14.

Она открыла журнал звонков. Пролистнула вниз, во вчерашний день.

Вчера утром, когда она сидела в офисе, её телефон завибрировал. Звонок с незнакомого номера. Тот самый номер, который показался ей смутно знакомым, но который она удалила вечером из страха перед неизвестностью.

Журнал был пуст. Только звонки от Игоря («Купи хлеб») и от курьера.

Она удалила тот номер. Стерла его, как стерла сегодня все свои файлы с рабочего компьютера, но сейчас, в этой ледяной ночной тишине, воспоминание об этом пропущенном звонке вдруг обрело пугающую ясность. Что, если это был не спам? Что, если кто-то на другом конце провода искал именно её? Ту Анну, которая существовала до того, как стала функцией в сером костюме.

Ей вдруг отчаянно, до боли в стиснутых челюстях, захотелось, чтобы этот телефон сейчас зазвонил, чтобы этот безликий номер снова появился на экране, чтобы кто-то вытащил её из этого кошмара. Она держала холодный прямоугольник смартфона двумя руками, прижимая его к груди, словно это был спасательный круг, но экран погас. Телефон остался мертвым куском пластика. Никто не позвонит. Никто не придет спасать. Она сама построила эту тюрьму, сама заперла дверь изнутри и выбросила ключ, а теперь стены начали сдвигаться.

Анна лежала с открытыми глазами, глядя в потолок, где виднелась старая трещина. До рассвета оставалось четыре часа. Четыре часа до того момента, как ей придется встать и сыграть первый акт своей новой, самой страшной роли – роли женщины, у которой всё под контролем.

Глава 3. Иллюзия присутствия

Среда началась с вибрации телефона. 6:30. Звук, который двадцать лет был командой «на старт», теперь прозвучал как насмешка. Анна открыла глаза. Она почти не спала, проваливаясь в короткие, липкие кошмары, из которых выныривала с колотящимся сердцем. Тело ныло так, словно всю ночь по нему били палками.

Игорь рядом шумно вздохнул во сне, перевернулся на другой бок и натянул одеяло на плечо. Анна смотрела в серый квадрат окна. «Мне никуда не надо идти», – пульсировала мысль в висках. – «Я могу закрыть глаза. Я могу проспать до полудня. Я могу вообще больше никогда не вставать».

Искушение было невероятным, огромным, как гравитация черной дыры. Просто остаться лежать, но если она останется, через десять минут проснется Игорь. Он увидит её в постели. Он спросит: «Ты заболела?». И ей придется сказать правду.

У неё не было сил на правду. Ей нужен был хотя бы один день тишины, чтобы понять, как дышать дальше.

Она сбросила одеяло. Холодный утренний воздух обжег кожу.

Механика пробуждения, так ненавидимая ею еще в понедельник, теперь стала спасением. Тело знало, что делать, избавляя мозг от необходимости принимать решения.

Ванная. Зубная паста, у которой больше не было вкуса. Вода, не приносящая бодрости. Зеркало, в которое она старалась не смотреть прямо, сосредотачиваясь только на деталях: замазать синяки под глазами консилером. Нарисовать лицо женщины, у которой всё в порядке.

Она вернулась в спальню. На спинке стула висел её серый офисный костюм, тот самый, в котором её вчера «казнили». Анна протянула к нему руку, и пальцы дрогнули. Ткань казалась грязной, зараженной вирусом неудачника. Надевать этот костюм сейчас было всё равно что натягивать саван, но она сняла его с вешалки, влезла в узкую юбку, застегнула пуговицы на блузке, начиная снизу и двигаясь вверх одну за другой. Броня, которая ни от чего не защищала, но помогала держать спину прямо.

Она вышла на кухню. Ритуал продолжался. Чайник, щелчок зажигалки, синий цветок газа. Через пять минут на кухне появился Игорь. Он был в хорошем настроении – насвистывал какую-то мелодию из рекламы, почесывая живот через футболку.

– Доброе утро, – бодро сказал он, плюхаясь на стул и придвигая к себе планшет.

– Слушай, там ночью дождь был, на дорогах наверняка ад. Ты бы выходила пораньше.

Анна замерла с ножом над куском сыра. «Ты бы выходила пораньше». Куда? В какую сторону ей выходить? Паника ледяной иглой кольнула где-то под лопаткой. Она боялась, что он услышит, как громко стучит её сердце.

– Да, – её голос прозвучал суше, чем обычно, но не сорвался. – Я как раз собираюсь.

Она положила сыр на хлеб, поставила тарелку перед мужем. Игорь откусил бутерброд, не отрывая глаз от новостной ленты.

– У вас там сегодня как, спокойно? – спросил он с набитым ртом. – А то наш шеф с утра уже в чат пишет, требует отчеты за месяц. Осеннее обострение.

Минное поле. Каждый вопрос – растяжка. Она должна была сымитировать свою работу, которую знала наизусть.

– Обычный день, – Анна повернулась к плите, чтобы он не видел её лица. Руки вцепились в край столешницы. – Надо закрыть НДС. И... с поставщиками акты сверить, много рутины. Домой, наверное, вовремя не уйду, задержусь.

Она сама удивилась, как легко и гладко вылилась изо рта эта ложь. Слова, состоящие из привычных терминов, сработали как идеальный камуфляж.

– Понятно, – буркнул Игорь. Ему не были интересны детали её НДС. Ему просто нужен был привычный фон. Жена на кухне, бутерброд на тарелке, её работа как гарант того, что его личный мирок в безопасности. – Ты Максус деньги перевела на эти кроссовки чертовы?

– Да, перевела.

Анна посмотрела на часы на микроволновке. 7:45. Пора.

Она взяла свою сумку, ту самую, в которой на дне лежала поцарапанная рамка с фотографией сына – улика её увольнения.

– Я пошла, – сказала она.

– Угу. Давай. Вечером созвонимся, – Игорь даже не поднял головы.

Анна вышла в коридор. Надела пальто, сунула ноги в осенние сапоги. Взялась за ручку двери. Секунду она стояла, прижавшись лбом к холодному металлу двери. Спектакль начался. Занавес поднят. Она повернула замок и шагнула на лестничную клетку, в чужое, украденное у самой себя утро. Щелчок ключа за спиной отрезал ей путь к отступлению. Впереди лежал город, полный людей, которым было куда идти.

Улица дышала сыростью и запахом мокрого асфальта. Анна подняла воротник пальто и влилась в знакомый до боли ручеек соседей, стекающийся к станции метро: тот же маршрут, те же лица: хмурый мужчина с портфелем, студентка в ярких наушниках, пожилая женщина с тележкой. Анна шла в такт с ними. Шаг в шаг. Колесико в огромном механизме утреннего мегаполиса.

Она приложила проездной к турникету.

Пик. Зеленый свет. Её пропустили под землю. Здесь, в транспортной системе, она еще числилась живой единицей.

Эскалатор медленно полз вниз. Анна смотрела на затылок мужчины перед ней. В понедельник она стояла здесь же, изнывая от тоски и мечтая о пятнице. Теперь она отдала бы всё, чтобы вернуться в тот понедельник, в ту удушающую, но такую надежную рутину.

На платформе, как всегда, яблоку негде было упасть. Поезд вынырнул из тоннеля с воем, двери разъехались, и толпа внесла Анну в вагон, прижав к стеклу противоположной двери.

Она привычно зацепилась взглядом за схему линий над дверью.

Десять станций до «Площади Революции». Тридцать минут в пути.

Вагон дернулся. Поехали. Вокруг спали, читали, слушали музыку. Люди готовились к началу своего рабочего дня. У них были задачи, дедлайны, совещания. Они были нужны, а Анна была фальшивкой, зайцем, проехавшим не только в метро, но и в саму жизнь.

Она закрыла глаза, пытаясь абстрагироваться от запаха чужого пота и дешевого парфюма. Станция за станцией. Голос диктора отмерял её путь.

– Следующая станция – «Курская».

Обычно на «Курской» она начинала мысленно собираться: поправить шарф, переложить сумку в другую руку, приготовиться к рывку на выход, но сегодня её тело оставалось неподвижным.

– Станция «Площадь Революции». Переход на Арбатско-Покровскую линию.

Двери открылись. Толпа выдохнула часть людей на платформу.

Анна стояла у стекла, вжавшись в поручень. Мужчина сзади нетерпеливо толкнул её в спину:

– Выходите?

– Нет, – тихо ответила Анна, отступая на полшага.

Мужчина протиснулся мимо нее, бросив недовольный взгляд. Двери закрылись. Поезд тронулся. Анна осталась в вагоне.

Это было странное, пугающее чувство. Нарушение фундаментального закона её жизни. Двадцать лет она выходила на этой станции. Здесь был её выход на поверхность, её офис, её

стол, а теперь она ехала дальше. Куда? В никуда. На следующую станцию, на которой ей ничего не было нужно.

Она смотрела, как мимо проносятся темные стены тоннеля.

Ей показалось, что она выпала из времени. Вагон превратился в капсулу, летящую сквозь пустоту. Что будет, если она доедет до конечной? Поезд развернется в депо, и она поедет обратно? Бесконечный цикл. Колесо сансары для уволенного бухгалтера.

На «Киевской» вагон опустел наполовину. Анна наконец смогла сесть.

Она сложила руки на коленях, сжимая сумку. Пластиковые края рамки впивались в бедро сквозь кожу сумки и ткань юбки, – напоминание о том, что возврата нет.

Мимо потянулись станции, названий которых она даже не знала. Спальные районы, промзоны, конечные. Она ехала и ехала, глядя на свое бледное отражение в темном стекле окна. Женщина в деловом костюме, которая едет в спальный район в девять утра в будний день – абсурд, сбой матрицы.

– Конечная. Поезд дальше не идет. Просьба освободить вагоны.

Анна вздрогнула. Голос диктора прозвучал как приказ выметаться из укрытия. Она встала. Вагон был абсолютно пуст. Только уборщица в оранжевом жилете уже стояла на платформе с ведром и шваброй, ожидая, когда последний пассажир покинет состав.

Анна вышла на незнакомую платформу. Серый гранит, тусклый свет. Она не знала, где находится. И это было самое страшное – понимать, что это совершенно неважно. Куда бы она ни пошла, её нигде не ждали.

Тяжелые стеклянные двери вестибюля с трудом поддались её руке. Эскалатор вынес Анну на поверхность, в чужой спальный район. Безликие панельные многоэтажки уходили в серое небо, а прямо перед выходом из метро громоздился огромный, нелепо-яркий куб торгово-развлекательного центра. Его неоновые вывески бледно светились сквозь осеннюю морось. Анна посмотрела на часы. 9:40. До вечера было восемь часов, которые нужно было где-то убить, не замерзнув насмерть и не сойдя с ума. Она плотнее запахнула пальто и направилась к стеклянным дверям торгового центра.

Внутри ТЦ было слишком тепло и пахло сладким попкорном. Зацикленная фоновая музыка – какой-то бодрый поп-хит десятилетней давности – била по натянутым нервам.

Анна миновала полупустые этажи с магазинами одежды, где скучающие продавщицы сбивались в стайки у касс, и поднялась на самый верх, туда, где гудел фудкорт.

Это была изнанка рабочего дня. Параллельная вселенная, о существовании которой Анна, сидевшая последние двадцать лет с девяти до шести в офисе, почти не подозревала.

Кто эти люди, которые могут позволить себе есть бургеры в десять утра в среду?

Она медленно прошла между рядами пластиковых столиков. В углу молодая мама с потухшим взглядом пыталась впихнуть пюре в кричащего годовалого ребенка. За длинным столом у окна сгрудилась стайка подростков – видимо, прогуливали школу, громко гогоча над чем-то в телефоне. Чуть поодаль одинокий пенсионер в старой куртке медленно, почти торжественно, цедил чай из картонного стаканчика.

Анна подошла к стойке фастфуда.

– Капучино, маленький, самый дешевый, – сказала она. Ей нужно было купить билет. Право занимать здесь место.

Получив свой бумажный стаканчик, она нашла самый дальний, темный угол, отгороженный от основного зала кадкой с искусственным фикусом. Стул был жестким, сделанным из дешевого оранжевого пластика. Столешница слегка липла – кто-то до нее пролил здесь газировку. Анна достала из сумки влажную салфетку и методично, до скрипа, вытерла свое крошечное арендованное пространство. Вчера она сидела за столом из светлого дуба, сегодня – за куском липкого пластика. Эволюция наоборот.

Она сняла пальто, оставшись в своем строгом сером костюме. Здесь, среди толстовок, пуховиков и растянутых свитеров, её идеальные стрелки на брюках и наглухо застегнутая блузка выглядели дико. Она была похожа на ревизора, который сбился с пути, или на городскую сумасшедшую, надевшую лучшую одежду в булочную.

Анна обхватила стаканчик с кофе обеими руками, пытаясь согреть заледеневшие пальцы. Кофе был горьким, пережженным. Она смотрела на пеструю толпу. Жизнь здесь текла тягуче, медленно. Никто никуда не спешил. Для этих людей среда была просто еще одним днем. Для Анны это была пыточная камера, где время измерялось не задачами, а миллиметрами минутной стрелки.

– 10:15, – прошептала она, глядя на экран смартфона.

Как люди проводят дни, когда им не нужно работать? Что они делают с этой зияющей, безразмерной пустотой? Раньше, в редкие выходные, она мечтала о том, чтобы просто сесть и ничего не делать. Сейчас это «ничего не делать» навалилось на нее бетонной плитой. Тишина в голове сводила с ума, потому что сквозь нее прорывались панические голоса: «*Чем платить за квартиру?*», «*Что сказать Игорю?*», «*Как жить дальше?*».

Она не могла просто сидеть. Ей нужна была иллюзия деятельности. Анна положила смартфон на стол перед собой, разблокировала экран. Надо искать работу прямо сейчас. Это её новая работа – искать работу. Она открыла браузер и вбила в поисковик буквы, которые казались ей спасательным кругом, но таили в себе новый круг ада: «hh.ru».

Сайт загрузился, слепя белым фоном. Анна сделала глоток остывающего, горького кофе и нажала кнопку «Создать резюме». Страница мигнула, предлагая заполнить пустые поля.

Имя. Фамилия. Телефон. Эти строчки дались легко. Это были константы, которые пока еще принадлежали ей.

Желаемая должность: Главный бухгалтер. Заместитель главного бухгалтера. Старший бухгалтер.

Анна печатала быстро, стараясь не задумываться.

Потом курсор замер в поле «*Дата рождения*». Она ввела цифры. Система автоматически, бездушно высчитала и подставила рядом серым шрифтом: *42 года*.

Анна смотрела на эти две цифры: сорок, два. В жизни они звучали как «расцвет сил», «зрелость», «опыт». На белом фоне сайта вакансий они выглядели как приговор, как срок годности на пакете молока, который истек еще вчера.

Она сглотнула и прокрутила страницу ниже. «*Опыт работы*».

Здесь ей было чем гордиться. Она методично, скрупулезно начала вписывать: «Организация бухгалтерского учета с нуля», «Прохождение налоговых проверок без штрафов», «Оптимизация налогообложения», «Управление отделом из 5 человек».

Двадцать лет на одном месте. Она думала, что это показатель лояльности и стабильности, надежности, за которую работодатели должны хвататься обеими руками.

Она закончила заполнять блоки и нажала «Опубликовать». Резюме повисло в виртуальном пространстве. Маленькая капля в цифровом океане.

Теперь нужно было действовать. Она вбила в строку поиска: «*Главный бухгалтер*».

Система выдала тысячи результатов. Анна почувствовала слабый укол надежды. Работы много. Компании открываются, закрываются, им всем нужны люди, умеющие считать деньги.

Она открыла первую вакансию.

«*Крупная торгово-производственная компания ищет амбициозного и динамичного Главного бухгалтера...*»

«Я могу быть динамичной», – подумала Анна, вспоминая, как быстро она сводила годовой баланс за два дня до дедлайна.

Она читала требования: «...*Свободное владение 1С: ERP Управление предприятием 2... Опыт работы с системами Power BI... Навыки автоматизации бизнес-процессов с использо-*

ванием Python (базовый уровень приветствуется) ... Опыт работы по стандартам МСФО в международных проектах...

Слова прыгали перед глазами, сливаясь в бессмысленный набор букв.

Power BI? Python? ERP? Она знала старую добрую «восьмерку» 1С, эксель и законы РФ. Она умела выбивать долги из контрагентов по телефону и договариваться с инспекторами. Она была практиком от земли, а не системным архитектором.

Анна закрыла вкладку. Открыла следующую.

«Требования: высшее профильное, опыт от 3 лет...» – отлично.

«...Возраст: от 25 до 35 лет».

Она моргнула. Прочитала еще раз. *До 35 лет.* Это было написано черным по белому, без стеснения, без оглядки на Трудовой кодекс, запрещающий дискриминацию. Кому нужен кодекс, когда на рынке полно молодых, жадных до денег и готовых работать по 14 часов в сутки Алиночек?

Анна начала маниакально пролистывать вакансии. Десятая. Двадцатая. Пятидесятая. Везде одно и то же. Либо требования к космическим технологиям, о которых она даже не слышала, потому что её прошлая компания жалела деньги на обновление софта, либо завуалированный эйджизм: «Ищем сотрудника в молодой, дружный коллектив (средний возраст 28 лет)», «Высокая стрессоустойчивость и готовность к переработкам», «Энергичность и драйв». Слово «опыт» встречалось редко и обычно шло в связке со словом «современный». Её опыт был несовременным. Он был классическим, фундаментальным и абсолютно никому не нужным.

Она нашла вакансию «Бухгалтер на первичную документацию». Зарплата – сорок тысяч рублей. На пять тысяч меньше, чем её ежемесячный платеж по ипотеке. Требования минимальные. Возраст не указан. Она смотрела на кнопку «Откликнуться».

Сорок тысяч. Это означало сесть рядом с девочками, только что окончившими колледж. Это означало вбивать накладные с утра до вечера, выслушивая распоряжения начальницы, которая младше нее на десять лет. Это означало расписаться в том, что двадцать лет карьеры были потрачены впустую, и она вернулась на старт.

Унижение поднялось к горлу горьким комом. Она не нажала кнопку. Она отложила телефон на липкий стол. Шум фудкорта – визг детей, грохот подносов, попсовая музыка – обрушился на нее с новой силой, словно до этого она сидела под водой.

Анна посмотрела на свои руки, сцепленные в замок, на обручальное кольцо, врезавшееся в палец.

Она была списана в тираж по всем фронтам. Дома она была функцией, обслуживающей быт, на рынке труда она была неликвидом с истекшим сроком годности.

11:30.

Впереди расстилался еще целый день, огромный, пустой, гулкий, который нужно было как-то убить, не сойдя с ума. Анна снова потянулась к смартфону. От глухого бессилия, от физической невозможности смотреть на чужие, недоступные ей вакансии с их птичьим языком программистов и аналитиков, она бездумно нажала на иконку социальной сети. Ей нужно было сбежать. Спрятаться в том глянцево-пластиковом месте, где люди старательно имитируют счастливую жизнь. Ей нужно было посмотреть на чужие иллюзии, чтобы хоть на пару минут отвлечься от крушения собственной.

Экран мигнул, сменив строгую бело-синюю гамму сайта вакансий на пеструю, бесконечную ленту новостей. Анна начала механически листать вниз. Большой палец привычно скользил по стеклу, отмеряя чужие судьбы. Движение было трансовым, почти наркотическим, призванным отключить мозг.

Вот бывшая однокурсница, с которой Анна не виделась лет пятнадцать, выложила серию фотографий из Турции: загорелые ноги на фоне неестественно бирюзового бассейна, бокал

с коктейлем, натянутая, слишком широкая улыбка. Подпись гласила: «*Наконец-то заслуженный отдых! Счастье есть!*».

Вот дальняя родственница Игоря опубликовала видео, где её муж неуклюже пытается заплести косичку их пятилетней дочери. В комментариях – россыпь сердечек и умиленных смайликов. Вот реклама курсов по «раскрытию женской энергии», обещающая научить дышать маткой и привлекать миллионеров за три дня.

Анна смотрела на этот калейдоскоп чужого бытия, и вместо ожидаемого отвлечения чувствовала, как внутри разрастается глухая, черная тоска. Все эти люди в её ленте были встроены в жизнь. Они отдыхали от настоящей работы, они воспитывали детей, которые им улыбались, они ссорились, мирились, покупали новые машины и жаловались на пробки. Они были живыми. А она сидела в промозглom торговом центре, в сером костюме, пахнущем нафталином её рухнувшей карьеры, и пила остывший, кислый кофе. Она была призраком, подглядывающим за миром живых через замочную скважину смартфона.

Палец снова рванул экран вверх. Лента дернулась и замерла на горизонтальном блоке с надписью: «Возможно, вы знакомы».

Обычно Анна пролистывала эту рубрику не глядя. Алгоритмы сети часто подкидывали ей совершенно случайных людей: мастеров по маникюру из её района, коллег Игоря, каких-то странных ботов без аватарок. Но сейчас её взгляд споткнулся. Зацепился за одну из круглых миниатюр.

В сетке из четырех предложенных профилей, третьим по счету, был мужчина.

Анна моргнула, почувствовав странный укол в районе солнечного сплетения. Сердце сбилось с ритма, пропустив удар. Она приблизила телефон к лицу, шурясь, словно боялась, что зрение её обманывает.

На фотографии не было привычной студийной ретуши или напыщенной позы. Мужчина сидел за столиком уличного кафе, чуть откинувшись назад. На нем была простая, но явно дорогая черная водолазка. Ветер растрепал темные, с легкой проседью на висках волосы. Он смотрел прямо в объектив, и в уголках его глаз лучились тонкие морщинки – следы частых улыбок и, возможно, сложной, но интересной жизни. Взгляд был спокойным, пронизательным и каким-то очень... настоящим, уверенным, без надрыва.

Под фотографией значилось имя: Сергей Логинов.

Анна перестала дышать. Воздух в легких словно окаменел. Серёжа. Сережка Логинов. Тот самый долговязый, нескладный парень с последней парты, который в одиннадцатом классе таскал её портфель и неловко целовал её в щеку на выпускном, обдавая запахом дешевого одеколona и мятной жвачки. Тот, с кем они собирались поступать в один институт, пока она не встретила «перспективного и серьезного» Игоря.

Как алгоритм нашел его? Они не пересекались двадцать лет. У них не было общих виртуальных друзей. И тут её словно ударило током. «*Синхронизация контактов*».

Мелкая, противная надпись, на которую она когда-то давно нажала «Разрешить», не вчитываясь.

Номер. Тот самый пропущенный вызов с неизвестного номера в понедельник. Тот самый звонок, который разорвал тишину её офисного sklepa, пока она судорожно вбивала цифры в ячейку F14. Телефонная книга, кэш смартфона, умная и пугающая нейросеть соцсети – всё это мгновенно связало цифры из пропущенных вызовов с этим профилем.

Значит, это был он. В понедельник, за день до того, как её мир разлетелся в щепки, Сергей пытался ей дозвониться, а она, трусиха, сбросила звонок, испугавшись начальства, а потом, ночью, в постели рядом с храпящим мужем, дрожащими пальцами удалила этот номер, стирая саму возможность перемен.

Анна смотрела на его лицо на экране. От прежнего нескладного мальчишки не осталось и следа. На неё смотрел зрелый, состоявшийся мужчина. Человек, который явно знал, чего хочет от этой жизни, и, судя по всему, умел это брать.

Большой палец завис над его фотографией. Внутри боролись две Анны.

Одна – запуганная, раздавленная безработная тетка в сером костюме – кричала: *«Не трогай! Не смей! Что ты ему скажешь? „Привет, я двадцать лет сводила дебет с кредитом, а вчера меня выбросили на улицу, и теперь я прячусь от семьи на фудкорте“? Не позорься!»* Другая Анна – та, чьи акварельные краски сейчас лежали на дне кожаной сумки – отчаянно, до боли в стиснутых зубах хотела прикоснуться к этой другой жизни. Хотела узнать, что случилось с тем мальчиком, который верил в неё больше, чем она сама.

Шум фудкорта исчез. Исчез запах пережаренного масла из соседнего ларька с картошкой фри. Исчез липкий стол. Остался только этот цифровой портал.

Анна сделала судорожный вдох, закрыла глаза и опустила палец на экран.

Клик. Приложение на секунду задумалось, подгружая данные, и распахнуло перед ней двери в чужой, недостижимый мир Сергея Логинова.

Страница загрузилась. Анна не стала сразу листать вниз. Она жадно, вглядываясь в каждую деталь, изучала «шапку» профиля.

«Сергей Логинов. 42 года. Москва. Основатель и CEO архитектурного бюро „Пространство“.»

Архитектурное бюро. Слово «CEO» резануло по глазам. Это не просто менеджер среднего звена, коим был её Игорь, переключивший бумажки в душном офисе и трясущийся за квартальную премию. Это создатель. Владелец. Человек, который сам диктует правила игры.

Анна смахнула экран вверх, погружаясь в его ленту. Она ожидала увидеть классический набор успешного московского бизнесмена: дорогие машины, небрежно брошенные на стол ключи с узнаваемыми логотипами, фото из пафосных ресторанов с устрицами, длинноногих девушек с накачанными губами. Понты, которые кричат: «Смотрите, как я богат!». Ей было бы проще, если бы она увидела именно это. Она смогла бы безразлично усмехнуться, сказать себе: «Ну и дурак, деньги его испортили», закрыть страницу и вернуться к своим страданиям, чувствуя моральное превосходство бедной, но честной женщины.

Но профиль Сергея был другим. Он пугал своей спокойной, естественной глубиной.

Вот фотография стройплощадки. Небо цвета свинца, бетонные блоки, торчащая арматура. Сергей стоит в строительной каске и куртке, заляпанной цементной пылью. Он что-то горячо обсуждает с прорабом, указывая на чертеж. Лицо уставшее, но живое, глаза горят азартом. В подписи: *«Закончили нулевой цикл. Самое сложное позади, теперь только расти вверх. Горжусь командой.»*

Вот он в горах. Алтай. Штормовка, тяжелый рюкзак, за спиной – сумасшедшей красоты заснеженные пики и пронзительно-синее небо. Сергей щурится от солнца, улыбаясь так искренне и широко, что вокруг глаз собираются те самые лучистые морщинки. Подпись: *«Связь не ловит третий день. И это лучшее, что случилось со мной за год. Воздух здесь можно пить.»*

Вот короткое видео из мастерской. Огромный стол завален эскизами, рулонами кальки, карандашами. Камера скользит по макету какого-то невероятного, летящего здания из стекла и дерева. Слышен только шелест бумаги и тихая джазовая музыка на фоне. В этом видео столько творческой энергии, столько созидательного покоя, что Анне физически стало больно.

Она листала и листала, проваливаясь в эту чужую жизнь, как в кроличью нору.

Он был везде. Он много работал, он путешествовал, он выступал на каких-то конференциях, стоя на сцене перед сотнями людей в небрежно расстегнутой на воротнике рубашке.

Он казался человеком, у которого нет свободного времени, но есть бесконечный ресурс жить.

Анна машинально обратила внимание на комментарии. *«Отличный проект, Сергей! Ждем реализации», «Круто выглядишь, брат», «Когда в гости заедешь?»*. Среди комментаторов были и красивые, ухоженные, с профессиональными фотографиями, женщины на аватарах. Они оставляли сердечки, писали что-то игривое. Сергей отвечал всем – вежливо, с легкой долей юмора, но держа дистанцию.

В его профиле не было ни одной фотографии с женой или постоянной партнершей, только коллеги, друзья, горы и чертежи. Свободен? Одинок?

Анна остановилась на фотографии, выложенной неделю назад.

Сергей сидел в пустом кафе, где-то в центре Москвы. Перед ним стояла чашка эспрессо и лежал блокнот Молескин. Он смотрел в окно, на залитую дождем улицу. Фотография была черно-белой, зернистой. В ней сквозила странная, затаенная грусть.

Подпись состояла из одной строчки: *«Иногда, чтобы построить новое, нужно до основания снести старое. Но как же страшно нажимать на кнопку детонатора.»*

Эта фраза ударила Анну прямо под дых. Она перечитала её дважды. Трижды. Она прозвучала так, словно была написана для неё. Ведь это именно то, что с ней произошло. Её старое здание рухнуло. Виктор Петрович нажал на кнопку детонатора, разнеся её стабильность в пыль. Разница была лишь в том, что Сергей, судя по всему, сам управлял сносом, а Анну просто завалило обломками.

Она оторвала взгляд от телефона. Фудкорт по-прежнему гудел, вонял пережаренным маслом и дешевым кофе. Пластиковый стул впивался в бедра сквозь ткань костюмной юбки. Остывший картонный стаканчик оставлял мокрый, грязный след на липком столе. Она посмотрела на свое отражение в темном стекле выключенного соседнего монитора заказа фастфуда. Бледное, осунувшееся лицо. Потухшие глаза. Застегнутая на все пуговицы серая мышь. Тетка, которую вышвырнули на мороз.

Двадцать лет назад они сидели за одной партой. У них были равные стартовые условия. Они дышали одним воздухом, читали одни книги, мечтали об одном и том же городе. Он ушел в риск, в неопределенность, в созидание. Он строил здания и собственную судьбу. Она выбрала безопасность, Игоря с его «перспективами в отделе продаж», стабильную зарплату, теплый офис и предсказуемость. Она похоронила свои акварельные краски на дне ящика. Она превратила свою жизнь в эксель-таблицу, надеясь, что если все ячейки заполнены правильно, формула выдаст «Счастье».

Формула выдала «Ошибка доступа».

– Он смог, – прошептала Анна в пустоту. Губы дрожали. Горло сдавило спазмом.

– Он смог, а я сгнила. Я просто сгнила заживо.

Слезы, которые она сдерживала со вчерашнего вечера, прорвались. Они были не солеными, они обжигали щеки кислотой стыда, не за то, что её уволили, а за то, во что она превратила саму себя. Она быстро отвернулась к искусственному фикусу, пряча лицо от толпы. Достала из сумки бумажный платок и скомкала его в руке. Плечи её мелко, прерывисто вздрагивали под серой костюмной тканью.

Телефон на столе пискнул, прерывая её беззвучную истерику. Короткий, резкий звук уведомления. Не из соцсети, из почтового клиента.

Анна замерла, не убирая от лица скомканный платок. Сердце, только что болевшее от сравнений с прошлым, вдруг забилось быстро и мелко, сжимаясь от острой, почти животной надежды.

Почта.

Она отправила всего одно робкое резюме утром, перед тем как сбежать в соцсети, на ту самую вакансию «Заместитель главного бухгалтера» в строительную компанию, без требований к знанию Python, с нормальной, адекватной зарплатой, покрывающей ипотеку и репетиторов. Слишком хорошую, чтобы быть правдой, но она все равно нажала «Откликнуться».

«Может, они посмотрели на мой стаж?» – мелькнула отчаянная мысль. – *«Может, им нужен надежный человек, который умеет проходить встречные проверки налоговой? Двадцать лет без единого штрафа – это же чего-то стоит в этом мире!»*

Она поспешно вытерла лицо, размазывая по щекам консилер вместе со слезами. Шмыгнула носом. Схватила телефон непослушными, влажными пальцами. На экране блокировки светился прямоугольник уведомления.

Отправитель: noreply@hh.ru

Тема: Ответ на ваш отклик на вакансию «Заместитель главного бухгалтера»

Анна сглотнула. Большой палец завис над экраном, не решаясь смахнуть блокировку. Это было похоже на ожидание результатов биопсии. От этого письма зависело, есть ли у неё будущее, или процесс распада уже необратим.

Она прикрыла глаза, беззвучно, одними губами прошептала: «Пожалуйста», и коснулась экрана.

Письмо открылось. Оно было коротким. Три абзаца вежливого корпоративного яда.

«Здравствуйте, Анна Сергеевна!»

Благодарим вас за интерес к нашей компании и за то, что откликнулись на вакансию «Заместитель главного бухгалтера». Мы внимательно ознакомились с вашим резюме. К сожалению, в настоящий момент мы не готовы сделать вам предложение о работе. Мы сохраним ваше резюме в нашей базе данных и, возможно, свяжемся с вами в будущем, если у нас появятся подходящие позиции.

Желаем вам успехов в поиске работы!

С уважением, HR-департамент.»

Анна смотрела на ровные строчки черного шрифта на белом фоне.

«Внимательно ознакомились». Она посмотрела на время отправки её резюме и время получения этого ответа. Разница составляла ровно двенадцать минут. За это время невозможно прочитать резюме на четырех страницах. Невозможно оценить опыт, вникнуть в функционал, взвесить все «за» и «против». Её не читали. Её даже не открывал живой человек.

Система. Робот. Алгоритм, настроенный бездушной HR-девочкой, похожей на Алину из её бывшего офиса. Алгоритм просто пробежался по тегам, не нашел нужных модных слов, споткнулся о цифру «42» в графе возраста и автоматически отправил её в мусорную корзину.

Reject. Отбраковка.

Для рынка труда она была дефектной деталью, не проходящей по ГОСТу.

Анна откинулась на жесткую спинку оранжевого стула.

Внутри больше не было ни слез, ни злости, ни паники. Внутри образовалась звенящая, холодная пустота. Пустота человека, который только что понял правила игры: он играет в шашки, а все остальные сидят за полем для 3D-шахмат.

Она вспомнила фотографии Сергея. Его стройки, его горы, его «детонатор».

Он управлял своей жизнью. Он был нужным. Если бы его компания завтра закрылась, послезавтра его бы забрали с руками и ногами конкуренты, потому что он был брендом. А она была безымянной функцией, которую заменили макросом.

Мимо её столика прошла уборщица в синей форме, толкая перед собой тележку с ведром. Она с грохотом бросила на стол грязный, мокрый поднос с соседнего стола, даже не взглянув на Анну. Анна посмотрела на эту усталую женщину с грубыми красными руками и потухшим взглядом, которой, вероятно, было около пятидесяти.

«Вот оно», – подумала Анна, чувствуя, как по спине ползет ледяной пот. – «Вот мое будущее. Через пару месяцев деньги закончатся. Кредиторы начнут звонить Игорю. Будет скандал. Я не найду работу главным бухгалтером. Я пойду кассиром в Пятерочку. Или сюда, протирать липкие столы на фудкорте. Потому что ипотека не спрашивает о твоих амбициях».

Она посмотрела на пустой стаканчик из-под кофе. Смяла его в кулаке. Картон хрустнул, жалобно и сухо. Часы на экране показывали 12:45. Она отработала на своей фальшивой работе только три часа. Впереди была целая вечность.

Анна заблокировала экран телефона, чтобы больше не видеть ни профиль Сергея, ни письмо с отказом, и просто уставилась в одну точку, слушая, как медленно и верно трещит по швам фасад её благополучной жизни.

19:15.

Ключ дважды повернулся в замке. Анна толкнула дверь, чувствуя, как с каждым оборотом невидимая маска, которую она надела утром, намертво прирастает к лицу, стягивая кожу.

После восьми часов блужданий по торговому центру, сидения на скамейках в скверах под мелким дождем и бессмысленного катания на автобусах по кольцевому маршруту, её тело было измотано так, словно она действительно разгружала вагоны. Ноги гудели, спина одеревенела.

В прихожей пахло жареной рыбой и чесноком.

– Аня? Ты? – раздался из кухни голос Игоря.

– Я, – отозвалась она, стараясь, чтобы голос звучал просто устало, а не безжизненно.

Она сняла мокрое пальто, аккуратно повесила его на плечики, расправила юбку, стряхнула несуществующие пылинки с пиджака и вошла на кухню.

Игорь сидел за столом в домашних трениках, перед ним стояла пустая тарелка и наполовину недопитый бокал пива. Лицо у него было красным, раздраженным.

– Ну, наконец-то, – выдохнул он, даже не повернув головы, чтобы посмотреть на неё. – Я думал, ты там ночевать останешься. Рыба на плите, подогрей себе.

Анна подошла к раковине, чтобы вымыть руки. Вода шумела, смывая уличную грязь, но не могла смыть липкое чувство обмана.

– Задержали, – коротко бросила она, не глядя на мужа. – Я же говорила утром. Отчеты.

Игорь фыркнул, с силой стукнув доньшком бокала по столу.

– Отчеты у неё! Ты бы видела, какой ад у нас сегодня творился. Этот debil, Смирнов... ну, мой начальник отдела, помнишь его? – он даже не стал дожидаться её кивка и продолжил распалиться. – Присылает мне в четыре часа дня таблицу на сто позиций. Говорит: «Игорь, надо пересчитать маржинальность к завтрашнему утру, концепция поменялась». Концепция у него поменялась! Идиот. Сидит там в своем кресле, штаны протирает, а мы отдувайся.

Анна вытирала руки полотенцем, стоя к нему спиной.

Смирнов. Маржинальность. Таблицы. Слова Игоря звучали из другого измерения, из мира живых, где у людей есть начальники (пусть и debилы), есть задачи (пусть и срочные), есть *значимость*. У Игоря была проблема, но это была здоровая проблема работающего человека.

– И что ты? – спросила Анна, потому что от неё требовалась реплика. Она должна была играть роль жены-сообщницы.

– А что я? – Игорь раздраженно всплеснул руками. – Сел и начал считать! У меня план горит, мне премия нужна. Макс у вон в следующем месяце за курсы английского платит. Я Смирнову так и сказал: «Сделаю, но чтоб это в последний раз». Он, конечно, проглотил, потому что знает – без меня они там зашьются.

«Без меня они там зашьются». Анна закрыла глаза. Эта фраза, сказанная с такой тупой, непоколебимой самоуверенностью, ударила её как пощечина.

Она тоже так думала. Двадцать лет она была уверена, что без неё всё рухнет, что она держит на себе небосвод их бухгалтерии, а вчера небосвод просто отряхнулся и пошел дальше, а её раздавило.

– Ты молодец, – тихо сказала Анна, подходя к плите. Взяла сковородку с остывшей, покрывшейся жирной пленкой рыбой. Включила газ. – Смирнов всегда был некомпетентен. Ты справишься лучше.

Она произносила эти слова механически, как автоответчик, но внутри неё поднималась темная, ядовитая волна. Ей хотелось повернуться к нему с этой сковородкой в руках и закричать: *«Ты жалуешься мне на переработки?! Ты ноешь из-за какой-то таблицы, пока пьешь пиво в теплой кухне?! А я сегодня восемь часов сидела на пластиковом стуле среди бомжей и подростков, потому что меня вышвырнули на помойку! И я не знаю, чем мы будем платить эту гребаную ипотеку через два месяца!»*

Но она посмотрела на его красное, возмущенное лицо, на его уверенность в своей правоте и промолчала. Если она скажет правду сейчас, его раздражение на начальника мгновенно переключится на неё. Он не обнимет её. Он не скажет: «Мы справимся». Он скажет: «И как ты умудрилась вылететь? На что мы будем жить?». И этот разговор добьет её окончательно.

– Ладно, – Игорь допил пиво и со вздохом поднялся. – Пойду в танки погоняю часок, чтобы мозг разгрузить. Устал как собака.

Он вышел из кухни, шаркая тапками. Анна осталась стоять над шипящей на сковороде рыбой. Токсичность этой лжи была почти осязаемой. Она заполняла кухню, смешиваясь с запахом чеснока, оседала на стенах, проникала в легкие. Анна поняла страшную вещь: она не может рассказать мужу правду не потому, что боится его гнева. Она не может сказать правду, потому что между ними больше нет ничего, кроме этого хрупкого, фальшивого равновесия. И если она вытащит свой кирпичик обмана, рухнет вся их общая жизнь.

Она выключила газ под сковородкой. Есть расхотелось окончательно. Тошнота подкатывала к горлу тугим комком.

Анна вымыла за собой тарелку, которую так и не использовала, и вытерла кухонный стол. Каждое движение было медленным, тяжелым. Ей нужно было куда-то деть себя. Найти угол, где можно просто сесть, закрыть глаза и снять эту невыносимо тяжелую маску «работающей жены».

Она пошла по коридору. Дверь в гостиную была полуоткрыта. Оттуда доносились канонада взрывов и лязг гусениц – Игорь «разгружал мозг». Он полулежал на диване, вытянув ноги, в наушниках, напряженно глядя в экран ноутбука. Его лицо в мерцающем свете монитора казалось чужим, отрешенным. Диван был занят. Территория захвачена. Входить туда означало нарушить его личное пространство, спровоцировать недовольный вздох: «Ань, я же просил не мешать, у меня бой».

Она прошла мимо.

Дальше по коридору – комната Максима. Дверь закрыта плотно, как шлюз на подводной лодке, из-под щели пробивалась агрессивная, басовая музыка.

Анна остановилась. Прислушалась.

– Да куда ты лезешь, нуб! – раздался приглушенный крик сына. – Фланг держи, кому сказал!

Она представила, как открывает эту дверь, как Максим сдергивает наушник, бросает на неё этот свой фирменный, колючий взгляд, в котором читается только одно: «Что тебе надо на моей территории?». У неё нет права зайти туда и сказать: «Сынок, мне плохо. Можно я просто посижу здесь?». В его комнате нет места для её слабости.

Оставалась их общая спальня. Анна вошла туда, не включая свет. Комната была маленькой – большую часть пространства занимала двуспальная кровать и массивный шкаф-купе. Она села на край кровати, на свою половину. Прямо напротив висело зеркало на дверце шкафа. В темноте оно отражало лишь смутный силуэт сутулой женщины.

Анна обвела взглядом комнату: кровать, на которой они с Игорем спали спина к спине; шкаф, где её строгие деловые костюмы висели вперемешку с его рубашками; тумбочка,

на которой лежал крем для рук. Это была её квартира. Она платила половину ипотеки все эти годы. Она выбирала эти обои. Она покупала этот шкаф. Но сейчас, сидя в темноте под звуки виртуальных танковых боев из гостиной и крики сына из детской, она вдруг с леденящей ясностью осознала: у неё здесь нет своего места.

Квартира была поделена на зоны влияния: зона отдыха Игоря, зона изоляции Максима, общая зона кухни, где она выполняла функцию повара. А где была её зона? Куда она могла пойти, чтобы быть не женой, не матерью, не поваром, а просто собой?

Никуда.

Вся эта трехкомнатная «крепость» была построена для удобства семьи, но в ней не было заложено фундамента для самой Анны. Она растворилась в этих стенах, став частью интерьерера, удобной функцией, которая вдруг сломалась.

И что будет, когда они узнают правду? Она представила, как Игорь смотрит на неё с дивана, уже не расслабленно, а с презрением, как Максим закатывает глаза: «Мам, ну класс, теперь я без кроссовок останусь». Она станет обузой, приживалкой, которая не вносит свою долю в общий котел, но занимает место. Она почувствовала себя лишней деталью в механизме, который прекрасно работает и без неё. Если она сейчас исчезнет, они, конечно, расстроятся. Наверное. Но потом Игорь научится жарить не только рыбу, а Максим найдет, у кого стрельнуть денег. Их жизнь не рухнет.

Анна подтянула колени к подбородку, обхватив их руками. В офисе у неё больше не было стола. В городе у неё не было цели. В доме у неё не было угла. Она была «бездомной». Ей некуда было прислониться.

Где-то за стеной глухо бухнул танк. Игорь вскрикнул что-то победное.

Анна прижалась лбом к коленям. В груди разрасталась глухая, черная дыра, засасывающая остатки её воли. Она поняла, что если останется в этой комнате наедине со своими мыслями еще на час, она просто сойдет с ума. Ей нужно было зацепиться за что-то живое, за что-то, что было вне этой квартиры.

Она потянулась к сумке, брошенной на пол. Нашупала в темноте холодный прямоугольник телефона. Экран вспыхнул.

21:40. – время, когда нормальные люди смотрят сериалы с семьями или пьют чай на кухне, обсуждая прошедший день, время, которое для Анны теперь было просто цифрами на дисплее, отсчитывающими её падение. Она разблокировала телефон. Большой палец, словно обладая собственной волей, помимо её сознательного желания, открыл приложение соцсети.

Приложение открылось на той же странице, где она закрыла его днем, сидя на фудкорте. Профиль Сергея Логинова. Фотография из кафе. Блокнот. Окно. И та самая подпись: *«Иногда, чтобы построить новое, нужно до основания снести старое. Но как же страшно нажимать на кнопку детонатора.»*

Анна смотрела на его лицо, слабо подсвеченное в темноте спальни.

Вокруг бушевала чужая жизнь: Игорь кричал в гостиной, Максим матерился в наушники, а здесь, на этом крошечном экране, был островок тишины и понимания. Человек, который не требовал от неё ни ужина, ни денег, ни правильных отчетов. Человек, который просто был.

Она прокрутила страницу на самый верх. Под аватаркой и счетчиком подписчиков горела синяя, выпуклая кнопка: «Написать». Она манила её, как свет маяка манит корабль, потерявший управление в шторм.

Анна коснулась кнопки. Открылся пустой диалог. Белый лист, на котором еще ничего не было написано. Мигающий курсор требовательно пульсировал: *введи текст, введи текст, введи текст*. Клавиатура послушно выехала снизу.

Что ему написать?

«Привет, Сережа. Это Аня. Помнишь меня?»

Слишком банально. Слишком похоже на спам или просьбу одолжить денег.

«Привет. Я видела твой пропущенный.»

Звучит как оправдание. А вдруг это был случайный набор номера? Вдруг он просто перебирал контакты и ткнул не туда? Она будет выглядеть глупой, навязчивой теткой, цепляющейся за фантом прошлого.

«Привет. Меня вчера уволили, и мне кажется, что я схожу с ума.»

Анна горько усмехнулась. Кому нужна чужая беда? Успешному архитектору с Алтаем в анамнезе и так есть чем заняться, кроме как выслушивать нытье бывшей одноклассницы, которая двадцать лет пряталась в бухгалтерии.

Пальцы замерли над буквами. Она вспомнила, каким он был в школе, как они сидели на подоконнике в рекреации, и он показывал ей свои неловкие, угловатые наброски зданий. *«Я хочу строить города, Ань. Не просто дома-коробки, а пространства, где людям будет хотеться жить»*, – говорил он, смешно размахивая длинными руками. А она отвечала: *«А я хочу просто стабильности. Чтобы не как у родителей: от зарплаты до зарплаты»*.

Она получила свою стабильность досыта, до тошноты, а он построил свои города. Между ними была пропасть размером в двадцать лет и миллионы неверных решений.

Анна набрала одну букву: «П». Потом стерла её. Набрала: «С». Стерла.

В этот момент за дверью спальни послышались тяжелые шаги. Игорь шел в туалет. Половица в коридоре скрипнула с тем самым противным звуком, который Анна собиралась починить последние три года. Она вздрогнула, как пойманный вор, и рефлекторно нажала кнопку блокировки. Экран погас. Темнота снова затопила комнату.

Она прижала холодный телефон к груди. Дыхание было частым и прерывистым. Она не написала. Ей было слишком страшно. Страшно нарушить этот иллюзорный статус-кво. Страшно получить в ответ вежливое, равнодушное: *«Привет, Ань, извини, очень занят»*. Страшно узнать, что она никому не нужна не только здесь, в этой квартире, но и там, в большом мире.

Но что-то изменилось. Зерно было брошено в благодатную, взрыхленную болью почву. Сергей перестал быть просто воспоминанием. Он стал возможным выходом, дверью, которая приоткрылась на миллиметр, впуская в её затхлый склеп глоток свежего воздуха.

Она знала, что не напишет ему завтра и, возможно, послезавтра, но эта синяя кнопка теперь будет гореть в её сознании, пока она не нажмет на неё по-настоящему, потому что долго притворяться живой она не сможет. Рано или поздно ей придется либо умереть окончательно, либо сделать вдох.

Анна легла на подушку, не раздеваясь. Где-то за окном завывал ветер. Завтра ей предстояло снова надеть маску, спуститься в метро и ехать до конечной станции, но теперь она знала, что там, на другом конце невидимого провода, есть человек, который знает, как нажимать на детонатор.

Глава 4. Обрушение фасада

Четверг.

Звонок будильника разорвал тишину в 6:30, как выстрел в упор.

Анна не проснулась – она просто открыла воспаленные, сухие глаза. Всю ночь она балансировала на тонкой грани между тяжелым, вязким забытием и липкой паникой. Ей снился один и тот же сон: она бежит по бесконечному офисному коридору, двери по обеим сторонам закрыты, а сзади нарастает гул надвигающегося поезда метро.

Она попыталась сесть. Тело отказалось подчиняться. Мышцы спины свело болезненной судорогой, ноги налились свинцом. Каждое движение требовало невероятных усилий, словно она пыталась двигаться под водой в тяжелом водолазном скафандре.

«Вставай, – приказала она себе. – Вставай, иначе он проснется».

Игорь мирно посапывал рядом. Его рука по-хозяйски лежала на её талии. От этого небрежного, собственнического жеста Анну передернуло. Ей захотелось сбросить эту руку, закричать, чтобы он убрал её, но она лишь осторожно, по миллиметру, отодвинулась к краю кровати.

Ванная комната встретила её слепящим белым светом. Анна оперлась о раковину обеими руками и посмотрела в зеркало. Лицо было серым, землистым. Под глазами залегли глубокие, фиолетовые тени, которые уже не мог скрыть никакой консилер. Кожа выглядела сухой и старой. За два дня она словно постарела на пять лет.

Она включила воду. Ледяная струя ударила по рукам, но не принесла облегчения.

Анна потянулась за зубной пастой, и в этот момент её рука мелко, противно задрожала. Тюбик выскользнул из непослушных пальцев и с глухим стуком упал в раковину, размазав белую пасту по фаянсу. Она смотрела на это белое пятно, и вдруг ей захотелось просто лечь на холодный кафельный пол и свернуться в позу эмбриона. Сдаться. Снять с себя эту неподъемную ношу.

Но привычка, вбитая годами, оказалась сильнее. Она подняла тюбик. Вымыла раковину. Почистила зубы, не чувствуя вкуса.

На кухне её ждало испытание Игорем. Она поставила чайник на плиту, достала хлеб, нож, масло. Всё шло по заведенному сценарию, пока Игорь не появился на пороге. Он был хмур и помят – видимо, вчера засиделся в своих «танках» до глубокой ночи.

– Доброе утро, – буркнул он, усаживаясь за стол и привычно утыкаясь в телефон.

– Сделай кофе, а? Чай не хочу. Голова раскальвается.

Кофе. Она должна достать банку с верхней полки, насыпать две ложки, залить водой... Анна потянулась к шкафчику. Руки по-прежнему дрожали. Она достала стеклянную банку с растворимым кофе (Игорь пил только такой), но пальцы вдруг разжались.

Банка выскользнула. Удар об пол прозвучал оглушительно громко. Стекло брызнуло во все стороны мелкими, острыми осколками, смешавшись с коричневыми гранулами.

Игорь вздрогнул и поднял глаза от экрана.

– Твою мать, Аня! Ты чего творишь? – он раздраженно отодвинул стул, убирая ноги от разлетевшихся осколков. – Утро начинается не с кофе, да? Руки дырявые?

Анна стояла, опустив руки по швам.

Она смотрела на коричнево-стеклянное месиво на линолеуме, и ей казалось, что это разлетелась на куски её собственная жизнь.

– Я... уберу, – прошептала она. Голос сорвался, прозвучав жалко и тонко.

Она опустилась на колени и начала собирать крупные осколки голыми руками.

– Да не трогай руками, порежешься! – прикрикнул Игорь. Он встал, подошел к шкафу, достал совок и веник. – Отойди. Сам уберу. Ты вообще какая-то дерганая последние два дня. Что с тобой? ПМС? Или на работе опять проблемы?

Анна замерла. *«Или на работе опять проблемы?»*

Один короткий вопрос. Одна фраза, за которой скрывалась бездна. «Скажи ему, – кричал внутренний голос. – Скажи прямо сейчас. „Меня уволили, Игорь. Я два дня хожу по улицам, чтобы ты не узнал“».

Она подняла на него глаза. Он смотрел на неё сверху вниз, раздраженный, недовольный тем, что его утренний покой нарушен. В его взгляде не было ни капли сочувствия к её состоянию. Была только досада на сломанный механизм, который должен был исправно выдавать кофе, а вместо этого бьет посуду.

– Нет, – выдавила она, с трудом поднимаясь с колен. – Всё нормально. Просто не выпалась.

– Ну так ложись раньше, – отрезал Игорь, сметая кофе в совок. – А то ходишь как зомби.

Слово «зомби» резануло слух. Это было самое точное описание того, кем она сейчас являлась.

Она пошла в прихожую. Схватила пальто. Ей нужно было бежать. Бежать из этой квартиры, где каждое её движение было ложью, где её муж был слепым и глухим, где её сын даже не вышел из комнаты на звук разбившегося стекла.

Она надела сапоги, схватила сумку.

– Я пошла, – крикнула она в сторону кухни.

– Угу, – донеслось в ответ. – Осторожней там и купи кофе вечером.

Дверь захлопнулась. Анна прислонилась спиной к холодной стене в подъезде и закрыла глаза. Она больше не могла этого делать. Её физических сил не хватало на поддержание этой иллюзии. Матрица дала сбой, и система начала разрушать сама себя.

Но стоять здесь было нельзя. В любую минуту мог выйти сосед, или, что еще хуже, Игорь мог открыть дверь, чтобы спросить, не забыла ли она мусор.

Она отлепилась от стены, поправила сумку на плече и начала спускаться по лестнице. Каждый шаг отдавался глухой болью в висках. Ей предстояло снова спуститься под землю.

Дорога до метро прошла в сером тумане. Утренний город, обычно воспринимавшийся как привычный, пусть и суетливый фон, сегодня казался Анне враждебным. Люди, спешащие мимо, виделись ей не просто прохожими, а свидетелями её позора. Ей казалось, что на её лбу неоновой краской написано: *«Безработная. Лгунья. Неудачница»*.

Она вошла в гулкий вестибюль станции. Воздух здесь был спертым, пахнущим сыростью и нагретым металлом. Анна достала проездной, подошла к линии турникетов и приложила карточку к желтому кругу валидатора. *Пик*. Зеленая стрелка. Она сделала шаг вперед, и в этот момент её плеча коснулась тяжелая рука в синей форменной куртке.

– Женщина, минуточку. Служба безопасности метрополитена.

Анна резко обернулась. Перед ней стоял грузный инспектор с ручным металлоискателем, а чуть позади переминался с ноги на ногу молодой полицейский.

– Пройдете к рамке, – буднично, но тоном, не терпящим возражений, сказал инспектор, указывая на зону досмотра в углу вестибюля. – Сумочку на ленту положите.

Это была абсолютно рядовая процедура, выборочная проверка. Анна видела это сотни раз и сама пару раз проходила через этот сканер. Но сегодня, сейчас, в её воспаленном, истерзанном ложью мозгу этот жест показался актом разоблачения.

«Они знают», – ударило в голову панической мыслью. – *«Они поняли, что мне некуда ехать. Что я подделка»*.

Её ноги приросли к гранитному полу.

– Я... я тороплюсь на работу, – пролепетала она, и её голос сорвался, прозвучав жалко и неубедительно, как у пойманного ворюшки. Инспектор нахмурился. Полицейский сделал полшага вперед, его взгляд стал цепким, оценивающим.

– Процедура займет минуту, гражданочка. Проходите. Если торопитесь, тем более не задерживайте.

Анна на деревянных ногах подошла к интроскопу. Сняла с плеча сумку – ту самую, в которой лежала злополучная рамка с фотографией Максима и коробочка с высохшей акварелью, – и поставила её на черную резиновую ленту.

Сумка скрылась в зеве аппарата.

Анна прошла через рамку металлоискателя. Она стояла и смотрела на экран монитора, за которым сидел второй инспектор. На экране в зеленовато-желтых цветах просвечивали её вещи: ключи, кошелек, косметичка и четкий, прямоугольный контур рамки для фотографий.

«Зачем нормальному человеку таскать с собой рамку с фото?» – билась в истерике её внутренняя паранойя. – *«Сейчас он спросит. Он спросит, куда я еду с этим бараклом, и мне придется отвечать. И я расплачусь прямо здесь, при всех».*

Ей казалось, что инспектор за монитором смотрит на её сумку слишком долго, что полицейский стоит слишком близко, что толпа пассажиров, текущая мимо турникетов, замедлила шаг, чтобы посмотреть, как арестовывают самозванку.

Дышать стало нечем. Воротник водолазки внезапно превратился в удавку. Кровь стучала в ушах: *тук-тук-тук*.

– Забирайте, – равнодушно бросил инспектор у монитора, отворачиваясь.

Сумка выехала из аппарата. Анна схватила её так резко, словно это была граната, готовая взорваться. Пальцы дрожали, когда она накидывала ремешок на плечо.

– Свободны, – кивнул первый инспектор, уже высматривая в толпе следующего пассажира.

Анна кивнула, не в силах произнести ни слова, и почти бегом бросилась к эскалатору. Она встала на ступеньку, вцепилась обеими руками в черный резиновый поручень и закрыла глаза. Под веками плясали цветные круги. Сердце колотилось о ребра с такой силой, что казалось, сейчас сломает грудную клетку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.